

Успеть изменить до рассвета

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Успеть изменить до рассвета

Анна и Сергей Литвиновы

Агент секретной службы #8

Заключительная история о приключениях знаменитого тандема – сотрудницы секретной службы Варвары Кононовой и экстрасенса Алексея Данилова.

В России появился очень странный и страшный человек по имени Елисей Кордубцев. Ему пока девятнадцать лет, но уже погибли его родители, а также бабушки и дедушки с обеих сторон – все при загадочных обстоятельствах. И есть данные, что в дальнейшем он натворит множество бед. Как остановить его? За дело берутся сотрудники сверхсекретной комиссии вместе с Варварой Кононовой. Ей помогает её возлюбленный Алексей Данилов. Миссия кажется невыполнимой – во всяком случае, сегодня. Но если попытаться справиться с монстром – вчера?

Анна и Сергей Литвиновы

Успеть изменить до рассвета

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Варвара Кононова

...Варя бросилась домой. Как девочка, летела по эскалаторам, перебежала на станциях из вагона в вагон, чтобы не терять времени на пересадке.

А телефоны Данилова все молчали.

По улице от «Новослободской» она мчалась во весь опор. Прохожие удивленно косились. Кто-то присвистнул вслед.

Она принеслась к подъезду. Влетела в лифт. Скорей, скорей!

Вот этаж. Дрожащими руками отперла входную дверь. Вбежала в квартиру.

Данилов лежал на кровати навзничь.

Он был изжелта-бледен, словно мертвый.

Варя бросилась к нему. К его бесконечно милому лицу.

Он все-таки дышал.

Часть первая

Вчера

Алексей Данилов

Секс для них по-прежнему был великолепным.

Во всяком случае, для Леши Данилова.

Да и Варе он нравился. Он видел: нравится. И дело совсем не в том, что он, в силу своих сверхспособностей, знал, на какие точки нажимать и какие изгибы поглаживать. Совершенно не в этом дело. Он, наоборот, с Варей старался максимально закрыться. Не видеть ее, не слышать, не понимать. Видеть-слышать-понимать – имелось в виду в своем смысле, в экстрасенсорном. А то нечестно получалось, несправедливо: он для нее – герметично закрытая капсула. А она для него – настезь распахнутая книга. Нет, так – абсолютно не на равных! – он играть не хотел.

Поэтому всячески свои умения в себе выключал. Мысленно надевал на себя (когда с Варей общался) непроницаемый стакан. Но все равно – любящее сердце, оно ведь многое способно угадать. Его ведь не обманешь. И при чем здесь экстрасенсорика?

Вот и сегодня. Варя просто приехала к нему после работы. Усталая, расстроенная и злая. Для Данилова она – возлюбленные договорились раз и навсегда – никакая не сотрудница сверхсекретной комиссии, а простая, согласно легенде прикрытия, заместитель генерального директора и айти-специалист в фирме «Ритм-21». Поэтому никакого разговора о том, что там, у нее на службе, стряслось, у них не случилось и случиться не могло.

А у Данилова в тот день на прием только три клиента-пациента записаны были, он их быстренько до обеда раскидал, а потом заскочил в магазин, купил красненького сухенького. Дома сварил макароны, смешал с фаршем и соусом. Получились макароны по-флотски, как отец любил, и мама часто готовила – обычное вроде бы, повседневное, проходное блюдо. Однако – о, великая сила нейминга, то есть наименования товаров и услуг: если обозвать нашенские

макароны «спагетти болоньезе», они вроде бы сразу и красивее становятся, и вкуснее. И даже сытнее и полезнее.

Так что когда Варя приехала к нему в тот день домой, в Рижский переулок, он ее о работе не расспрашивал. Просто кормил, поил вином, ублажал, травил байки, всячески смешил. И довольно скоро, к моменту, когда кастрюлька с макаронами и бутылочка с кьянти подходили к донушку, Кононова растаяла, размякла, разгладилась. Потом они чай пили с фруктами – Варя все с весом сражалась, сластей себе после часу дня не позволяла. А затем, совершенно естественным образом, очутились в постели.

Для Алеши, конечно, их любовь отчасти становилась рутинной – никакой интриги, как в молодости – будет, не будет? И какие усилия надо предпринять, чтобы было? И как оно там будет? Но зато есть немаловажный бонус: можно спокойно и глубоко отдаваться друг другу.

А тело Вари (как, впрочем, и душу ее) он любил – отчаянно. Роскошные плечи, большие руки, большие груди – все в Варе было слегка чрезмерно, но в то же время чрезвычайно гармонично.

И если любила она его – то любила самозабвенно: сжимая, рыча, запрокидываясь.

А потом они лежали рядом – в такие моменты в старых фильмах герои обязательно раскуривали сигарету, возможно, одну на двоих – но сейчас в кинематографе курению объявлен бой, да они и по жизни не курили оба. Поэтому просто лежали, слегка касаясь друг друга пальцами рук – это легкое, почти прозрачное, воздушное касание приятно контрастировало с недавним исступленным вжиманием друг в друга.

И тут Варя вдруг сказала:

– Помнишь, ты предлагал?..

– Что? – легкомысленно откликнулся Алеша.

– Пожить вместе.

- Да. И?

- И - я согласна.

- О, круто! Когда ты перевезешь ко мне свои вещи?

- Нет, давай лучше у меня, - ускользнула Варя. - Места в моей квартире больше. И вообще... - Она хотела сказать, что уже привыкла к своему жилищу и будет чувствовать себя в нем гораздо спокойней и уверенней, чем у него, - но промолчала, а Алексей и без того понял, что она не выразила (и сверхспособности здесь ни при чем).

- Можно и у тебя. Когда назначим переезд?

- Приезжай в выходные.

- Давай.

Вот так все и произошло - спокойненько и без фанфар. И то, что он давно предлагал Варе, свершилось: они стали жить вместе.

Однако... Однако... Однако... Ему не надо было быть особенно сильным экстрасенсом, чтобы понять: не так все просто. Что-то за этим Вариним предложением скрывается. Для чего-то его переезд был ей нужен. Нужен - причем по работе. По службе.

И эта мысль - как щелочь, как кислота или оскоми́на - стала подспудно беспокоить его. Отравлять ему жизнь.

Прошло четыре месяца.

Варя

– Опять сны? – Варя участливо положила возлюбленному ладонь на лоб, погладила по плечу. Лоб был весь мокрый от пота, плечо влажное, да и подушка тоже. Данилов открыл глаза, косным со сна голосом пробормотал:

– Я опять кричал?

– Скорее стонал.

– Мешался тебе?

– Не без этого.

– Я сейчас уеду домой.

– Не пори ерунды. Пять утра.

– Ладно, пойду лягу в гостиной.

Варя ничего не возразила и включила ночник. Данилов, жмурясь, сполз с кровати, схватил свои подушку и одеяло и пошлепал прочь из спальни.

Варя посмотрела на часы на телефоне: начало шестого. За окном, за плотными шторами, ни зги не видно – только слышен отдаленный шум большого города, словно мерно дышит в полусне огромное животное или работает в отдалении гигантский завод. И еще почему-то чувствовалось, что скоро утро – может, оттого, что где-то за стенкой бормотал соседский телевизор или вот хлопнула дверь подъезда – раннеутренний горемыка отправился на работу, на службу, на вахту. Скоро выйдет скрести снег узбек-дворник, приедет мусорная машина и станет грохотать баками. В последнее время, с тех пор как Кононова согласилась наконец, чтобы любимый переехал к ней, она в совершенстве изучила все, что звучало в городе с утра. Пришлось изучить. Потому что стонать, или кричать, или метаться Алеша начинал обычно в четыре – в пять. (А может, в более ранние часы ночи она слишком крепко спала и ничего не слышала?) От шума, что он производил, девушка просыпалась и, в свою очередь, расталкивала, будила его...

И в итоге оказывалась в дураках: он-то уйдет в другую комнату или перевернется на другой бок и снова заснет – а ей мыкаться. Когда настигнет ее сон, сморит – а когда и нет. Вот и получалось: Данилов, не связанный жестким графиком, мог отсыпаться, сколько душе угодно. Первый прием (тут с Сименсом имелась твердая договоренность) он никогда не назначал раньше часу дня. В крайнем случае, двенадцать у него было резервным временем. А ей к девяти ноль-ноль на службу. А в последнее время, с тех пор как Петренко сняли с начальников комиссии и на должность пришел полковник Марголин, опоздать нельзя ни на минуту. «Комиссия является, видите ли, прежде всего, воинским подразделением (как начал свое представление личному составу полковник), и потому дисциплина лежит в основании всей нашей деятельности». Вот и стали кадровики – клеветы Марголина (коих он вскоре возвысил) заниматься мелочными придирками – изучать каждодневно распечатку электронных карточек: кто из сотрудников во сколько прибыл на рабочее место, во сколько убыл.

Марголин был человеком противным. Служил он в комиссии всю жизнь, звезд с неба не хватал. Дорос до начальника исследовательского отдела, ковырялся во второстепенных делах, кропал отчетики. Люто всегда завидовал Петренко, который сделал впечатляющую карьеру. И вдруг – возвысился. Судьба вознесла его на самый верх, на генеральскую должность. А выскочка Петренко рухнул на его место.

Разумеется, Варя от своего всегдашнего покровителя Петренко не отказалась. Наоборот, всячески продолжала демонстрировать ему свое благорасположение. Они с Даниловым даже пригласили Сергея Александровича с супругой Ольенькой в гости к себе на Новослободскую. Когда все подвыпили, вышли вдвоем на балкон. Петренко не курил, но иногда, по пьяной лавочке (как он сам выражался), позволял себе сделать пару затяжек.

Варвара давно знала – да полковник сам ее учил, – что он обычно дает всем встречным короткие, емкие тайные прозвища. Так было легче потом вспоминать и характеризовать свидетелей и подозреваемых. Кононова этой методой тоже пользовалась. И тогда на балконе, пользуясь тем, что бывший шеф находится в расслабленном состоянии, спросила:

– А сослуживцам вы тоже, Сергей Александрович, клички даете?

– Еще как!

– И как же вы, к примеру, зовете Марголина?

– Козел Винторогий.

Варя расхохоталась, а потом сообразила: как точно! Марголин – высокомерный, надменный, с брюзгливо оттопыренной нижней губой, – прекрасно этому прозвищу подходил.

– Только ты, Варвара, тсс, никому.

– Договорились. Только если скажете, как вы зовете меня.

Петренко выпалил не задумываясь (поистине, спиртное развязывает языки настолько, что потом пожалеть можно):

– Девушка с Веслом. А еще – Гренадер-Девушка.

Варя рассмеялась, но, честно говоря, расстроилась. Да, она большая, высокая, статная – сто семьдесят восемь сантиметров, шутка ли! Но неужели в ней нет иных изюминок, что ее Гренадером следует величать?

Петренко (кстати, ниже Кононовой на полголовы) почувствовал ее настроение, погладил по плечу:

– Но я эти имена с ходу, при самом первом знакомстве придумываю. По начальному, чисто зрительному впечатлению. Теперь ты для меня Варвара-Краса, Варвара-Умница.

– Ладно, не подлизывайтесь. А как вы моего Данилова прозвали?

– Румяный Умник. Но это тоже с самого первого знакомства, когда мы его только разрабатывать начали[1 - История этого описана в романе Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят»].

Румяный Умник, Румяный Умник... – ночные Варины раздумья перекинулись с бывшего командира на возлюбленного, с которым они почти полгода как делят

кров и пищу.

«Может, – в который раз спросила себя она, – то, что она согласилась-таки на настойчивые просьбы Алеши жить вместе, было ошибкой? Еще одной грандиозной ошибкой ее жизни? Все у нее в жизни не так, – ворочаясь, досадливо, в приступе самобичевания подумала Кононова, – все не как у людей! Мало того что угодило влюбиться в свой собственный объект – признанного экстрасенса, мощнейшего биоэнергооператора. Вдобавок пошла у него на поводу!»

Взялись они, видите ли, вместе спасти мир[2 - Подробнее об этом можно прочитать в книге Анны и Сергея Литвиновых «Аватар судьбы»]. И потому она нарушила все возможные приказы и должностные инструкции. Результатом, после разбора полетов, стало почти невиданное в истории комиссии: Кононову понизили в звании – была майором, стала капитаном. Понизили и в должности: слетела до обычного оперативника, как начинала свою службу. Был бы жив отец-генерал – стыда бы перед ним не обралась. И то – начальники над нею сжалились: ведь собирались и грозились вовсе разжаловать и выгнать из рядов с позором.

Спасибо, Петренко бросился, как всегда, на ее защиту. Отстоял. Однако и сам тоже благодаря ее поведению пострадал. Он, правда, звезд на погонах не лишился, хотя грозили, но в должности его понизили на две ступени. Был начальником комиссии – превратился в начальника отдела. Причем отдела второстепенного, как считалось у них – не оперативного, а исследовательского. То есть командиром ее быть перестал. А Варя, получилось, лишилась его покровительства.

И лишь Данилову хоть бы хны! Он, как человек гражданский, совершенно ничего не претерпел. Хотя, может быть, как раз претерпел? Может, сны, которые его каждую ночь одолевают, неспроста? И злилась Варя на него ужасно, и жалко ей его было. (Противно тикал на тумбочке будильник, как бы зловредно напоминая: все равно никакого сна у тебя не получится, скоро тебе вставать. Варя повернулась на другой бок и защитилась от настырного: положила на ухо подушку.) Ах, Алешенька, Алешенька, как же он так ее присушил? Ведь если бы ее вдруг начистоту спросили: променяешь Алешку на самую что ни на есть блистательную карьеру? – она бы, положа руку на сердце, сказала: нет. Прикипела она к нему. Приварилась. Ни за что теперь от него добровольно не отлепится.

И вот, поди ж ты! Не такой он писанный красавец – носик уточкой. Особо выдающимся ростом или богатырским сложением не отличается. Какими-то экстремальными деловыми качествами тоже не блещет. Умом исключительно острым не отличается. И образован, честно говоря, так себе. Подумаешь, какой-то журфак – сплошная говорильня! Может, если б не хватка его постоянного импресарио Сименса, вовсе разорился бы благодаря своей исключительной чуткости и бескорыстию. НО. Это все были не недостатки, а отсутствие совершенств. И Алеша, пусть далеко не идеал и совсем не принц на белом коне, – он Варю понимал, чувствовал, любил. Он никогда на нее не злился, не орал, не повышал голос. И было ей с ним всегда – даже в самые тяжелые, пиковые моменты – уютно и удобно, как у Христа за пазухой. Да, вот именно, хорошее выражение: как у Христа за пазухой.

Может, все дело, как это раньше называлось, в его природном магнетизме? Даром ли Данилов столь признанный экстрасенс? Варя не раз замечала: вот они вместе с ним входят в какое-то людное место. В кафе, например. Или, допустим, на каток. Или хотя бы в сберкассу. И атмосфера с появлением Алешеньки как бы сгущается. Многие – особенно, блин, бабы, тетки эти противные, в возрасте от пятнадцати и до семидесяти – начинают обращать на него внимание. Подбираются. Поблескивают глазами. Оборачиваются. А он как будто ничего не замечает – по-прежнему ведет себя как безупречный Варин рыцарь. Никаких никогда поползновений налево, флирта или кокетства! Как будто никто для него не существует – а от этого он для хищниц этих, которые за каждым углом таятся, становится только еще притягательнее.

И именно ведь женщины являлись его основным контингентом. Противно даже думать, о чем он там с ними говорит в ходе своих тет-а-тетов! Что они там перетирают и что он видит из их жизни во время своих сеансов! Жарко и злобно даже представить, как во время его работы – куда, к сожалению, у нее никакого допуска нет – многие телки наверняка из трусов своих выпрыгивают, пытаются соблазнить, а то и заполучить его.

Поэтому, когда Леша во второй раз в своей жизни – безо всяких поползновений с ее стороны, сам, первый! – стал настаивать, чтобы им съехаться и жить вместе – и как раз это совпало с колоссальными неприятностями у нее на службе, – Варя согласилась. Бог с ней, с опаской, что он видит-слышит-чувствует ее как облупленную!

Но любовь и боязнь, что уведут, – далеко не все причины были, что они вместе жить стали, совместно (как пишут в определениях суда) вести хозяйство. Имелось и еще одно обстоятельство, за которое Варя становилось мучительно стыдно. И она прятала его на самом доньшке своего сознания, и молилась, чтобы Данилов ни в коем случае не увидел, не понял, не углядел.

И – да, все дело было как раз в них, в снах.

Время близилось к шести утра, и, несмотря на то что спать хотелось страшно, Варя поняла, что вряд ли уснет. Да и был ли смысл забыться ненадолго, чтобы в половине седьмого подниматься под позывные будильника! Зашаркал лопатой узбек под окном, скоро за стеной, у глухой бабушки, вдовы генерал-полковника Кожемякина, заиграет гимн...

Варя поднялась и, проклиная и злясь (впрочем, все-таки несерьезно, вполнакала ругала она саму себя и Данилова), набросила халатик и отправилась на кухню варить кофе.

Алеша спал в гостиной, на любимом отцовском диване, уткнувшись в спинку головой и завернувшись в одеяло. Не кричал, не стонал, даже как будто бы не дышал – словно выполнил свое предназначение, разбудил ее, и теперь, удовлетворенный, успокоился. Варя почувствовала, как изнутри поднимается гнев. Вот и жалко его, и раздражает он ее, даже против воли. Да, непростой она оказалась штукой – совместная жизнь.

На кухне Варя зажгла свет, посмотрела на себя в зеркало – и себе не понравилась. Лицо большое и какое-то опухшее, глазки заплыли. У нее прибавка, увы, сразу на физиономии отражается. От природы круглое, превращается оно в настоящее мурло. Да и талия наверняка разбухла, попа и бедра налились жирком. Фу! Пора садиться на строгую диету, возобновлять походы в зал – ох, а не хочется!

В наказание Кононова ограничилась на завтрак обезжиренным йогуртом и кофе сделала себе без сахара.

Варя любила свое тело, любила себя. Крепкая, мускулистая – кандидат в матера по академической гребле, шутка ли! Прекрасные плечи, руки, грудь. Но постоянно, чуть ли не с двадцати лет, приходилось держаться и с собой

бороться. Чуть дашь слабинку – начинаешь заплывать. Вот и теперь: пора (как говорится), мой друг, пора! Пора снова идти тренироваться и держать себя в узде.

Но под струями душа Варя вернулась мыслями к тому, что волновало ее гораздо больше. Да, Данилов. Когда они вернулись из яранской тундры в Москву – слава богу, живые и невредимые, – он сказал ей: будет расследование – вали все на меня. Я, сказал, человек партикулярный. Что они мне могут предъявить? Да ничего. А вот она, служивая, дело другое.

В итоге все равно выписали ей по первое число: во-первых, за то, что просто связалась с Даниловым – объектом, который числился у комиссии в разработке. Во-вторых, за то, что вовремя не доложила, что связалась. В-третьих, за то, что нарушила приказ, оставила место службы... Было и четвертое, пятое, шестое...

Защищаясь, она (по предварительному уговору с Алешенькой и с его согласия) рассказала про их борьбу с чужими во глубине яранской тундры. Последовал вопрос: откуда он, Данилов, взял саму необходимость сражаться? Пришлось рассказать про визит в Москву бывшего русского графа, американца Эндрю Макнелли, и про его исповедь, в которой тот поведал Данилову, как в шестидесятых устранял академика Королева и первого космонавта Гагарина. Попросили также рассказать и о снах Данилова, которыми он с нею поделился.

Дальше особисты из отдела собственной безопасности, расследовавшие ее дело, еще долго расспрашивали про все детали даниловских реалистичных грез. А потом, когда состоялось позорное собрание, на котором объявили о ее понижении в должности и звании, и она думала, что все кончилось – через неделю примерно Кононову вызвал наконец новый начальник комиссии полковник Марголин. Был суров и холоден, но вежлив. Скупомолвил, что надеется, урок пойдет ей впрок и она встанет на путь исправления (именно так и сформулировал, будто она зэчка какая-то). Воистину, Козел Винторогий! А еще новый начальник заметил, что связь Вари с Даниловым признана перспективной. Подумать только, перспективной! Для кого и для чего? Во имя интересов службы, конечно! И она обязана, продолжил полковник, докладывать, причем лично и непосредственно ему, Марголину, обо всем необычном, чем занимается ее сожитель. В том числе – о его снах.

Ей хотелось расхохотаться: «О снах Алеши? Обо всех? И эротических тоже?» Но она понимала, насколько шатко ее нынешнее положение (брякнешь – и никакой

Петренко уже не отмажет), поэтому промолчала в тряпочку. А полковник, как бы отвечая на ее невысказанное, добавил:

– Разумеется, речь идет только о тех видениях, которые представляют общественно-политический и (или) оперативный интерес.

И именно после этого разговора – а может быть, как раз вследствие него – Варя приняла очередное предложение Данилова пожить вместе.

Но ни о каких грезах-видениях своего возлюбленного не выпрашивала.

Мерзко ей было оттого, что она в своей фактически семье кем-то вроде сексота становится. Мерзко и стыдно. Павлик, блин, Морозов.

А Данилов – может, он об этом поручении, которое она получила, в ее сознании прочитал?

Во всяком случае, он молчал и снов ей сам, по собственной инициативе, никаких не рассказывал.

А Варя мучилась, что в любой момент может подойти срок, что Марголин вызовет ее и потребует отчета.

Так это и лежало, ворочалось подспудным тяжелым комом у нее на душе. Мешало спать. Мешало жить.

Алексей Данилов

Алешу квартира Варвары не радовала.

Хотя – казалось бы! Лет тридцать назад, когда Варин отец, генерал, ее получал, она, наверное, выглядела и являлась высшей точкой, вершиной, на которую только и мог взойти советский человек. После ордера на подобное жилье оставалось лишь лечь, удовлетворенно скрестить ручки и блаженно помереть.

Пять комнат. Вы только подумайте: пять! Два туалета. Нет, вы представьте себе: два! Огромная кухня. Кирпичные стены. Тихий (как пишут в объявлениях) центр – десять минут ходу от метро «Новослободская».

Короче, если бы Варька не была такой бессребреницей, бесконечно увлеченной своей работой, могла бы на этом жилье состояние сделать. Продать его, к примеру. Или сдавать какому-нибудь богачу или дипломату. А самой поселиться в экономичной брежневской «однушке» где-нибудь в Вешняках, от места службы поблизости. Или к Данилову переехать.

Но сначала, сразу после смерти родителей, Варя мешала сентиментальность – как она отсюда сбежит, где вся жизнь прошла и столько с мамочкой-папочкой связано? Потом прижилась – а теперь вот Данилова привела. Квартира между тем потихоньку ветшала. Совсем не Варина то была стезя – ремонты затевать и организовывать, магазины объезжать в поисках подходящих обоев или паркета. Вот и серели потихоньку от уличной копоти потолки, вылетали паркетины в коридоре, принялась обваливаться плитка на кухне. В сервантах-секретерах пылились книги – некогда советски-дефицитные Пикуль да Дрюон. В углу угрюмо дремал советского образца сейф – Варин отец хранил в нем трофейный пистолет и партийный билет; теперь там валялись документы на квартиру и машину. Несгораемый ящик гляделся символом этого жилья – громоздкий, пыльный и, по большому счету, никому не нужный.

Но решительно не из-за неухоженности не нравилось Алексею это жилье. Как-то жала ему эта квартира, как-то натирала, словно ботинок не по ноге или колючий шарф. И дело было – он боялся себе в этом признаться, но факт оставался фактом – не только в непривычной среде обитания. И не только в том, что ему эту среду приходилось с кем-то делить. Даже с такой бесконечно любимой и желанной девушкой, как Варя, которую он столько добивался.

Он привык быть самим собой – по крайней мере, дома, когда оказывался один. А тут все время приходилось надевать на себя что-то вроде защитной маски. Или забираться в тот самый стакан – просто хотя бы для того, чтобы соблюсти пресловутое, как любят говорить американцы, прайвеси. И не влезть ненароком в мысли и чувства подруги. И это было тяжело и требовало напряжения – не расслабишься. Даже наоборот, ему порой прилетало за то, что он слишком уж сильно закрывается, – не может с пол-оборота считывать мысли и желания любимой.

Девчонки – они ведь такие смешные и глупые, даже несмотря на то, что бывают столь высокообразованными умницами, как товарищ Кононова. Иной раз после обеда скажет призывно: «Леш, а Леш!» – и молчит. Он переспрашивает: «Что?» Молчит. Он начинает злиться: «Да что же?» А она, уже с раздражением – большие, корпулентные люди, как она, они ведь быстрее заводятся:

– Как ты не понимаешь? А еще экстрасенс называешься!

И не объяснишь ведь ей, что он специально, как не раз клятвенно обещал, будучи рядом с ней, ставит себе защиту и в ее мысли и чувства – ни-ни. Барьер этот, правда, постоянных усилий требует, как если в компьютере всегда программа незакрытая работает. Но привыкнешь – и сложно по мановению Вариного прекрасного пальчика вдруг в момент перестроиться и начать понимать.

Словом, повторялось практически все, что он проходил со своей первой супругой, на которой женился по юности, по дурости – Наташей Нарышкиной. Но тогда ведь и способности его экстрасенсорные были мельче, с годами они только развились, и управляться он с ними гораздо хуже умел... Эх! Неужели он обречен на вечное одиночество? Неужели ему, как бы в пику его таланту, Господь не дал способности построить нормальную семью, жить с земной женщиной, заиметь детей? Он долго крепился, старался держаться от прекрасного пола подальше, но Варя своей красотой, умом и верностью заставила его пойти на попытку номер два. Неужели и она закончится неудачей? О нет, наверное, это последний шанс, и как бы не хотелось, чтобы он закончился неудачей!

Да и по совершенным мелочам – когда живешь с кем-то бок о бок – время от времени приходится схватываться. К примеру, вот не думал Данилов, что будет спорить о политике – да с кем?! С чудеснейшей, любимой девушкой! Но она однажды с легкостью необыкновенной объяснила, в стиле бабульки из гастронома, все свары и тяготы последнего времени – кознями ЦРУ и вообще Америки!

– Ага, – воскликнул он в запале, – значит, Америка виновата, что мы кусок чужой территории хапнули и на ней военные действия ведем!

– Ты еще многого не знаешь, Алеша, – возразила Кононова с важностью, – а ведь нам соответствующую информацию доводят.

– Ну и что, интересно, вам такое доводят?

Но Варя в ответ вскинула глаза к потолку и покрутила указательным пальцем: типа, и стены имеют уши, не может она в квартире распространяться о том, что ей «доводят».

– Да ты сама два раза в Штатах была! – вскричал молодой человек в сердцах. – И что, похоже, что там какие-то козни против нас строят?!

– Простые люди – нет, а власти – да. А ты вспомни своего американского друга и что он рассказывал тебе! В каких делах исповедовался!

Намек явно был на рассказ мистера Макнелли о том, что он лично погубил академика Королева и космонавта Гагарина[3 - Подробнее читайте в романе Анны и Сергея Литвиновых «Аватар судьбы».]

– Да это ведь вообще было не про американцев! – вскричал он. – Про пришельцев!

– Кто знает, про кого на самом деле? Ведь в итоге убивал их американец.

В конце концов, в политическом том споре они буквально до крика друг на друга унизились, а потом Данилов подумал: «Может, власти так специально хотят – нас всех рассорить, разобщить, даже внутри семей? Чтобы мы никогда единым фронтом не выступали больше. И неужто мы теперь им будем поддаваться?!» Поэтому на разговоры с Варей, имеющие хоть малейший привкус политики, наложил со своей стороны строгое табу.

Вот в итоге и получалось: слишком много запретов (для самого себя), барьеров и ограничений. Не расслабишься.

В то утро Алексей проснулся, когда Варя давно ушла. Улегшись после своего кошмара в гостиной, он слышал сквозь сон, как она варит себе кофе, как шумят струи душа в ванной. Хотел проснуться и позавтракать с ней вместе – но снова

засыпал. А под утро ему приснился тот самый сон, который преследовал его несколько последних месяцев и повторялся, с различными вариациями, многожды. Точнее, воспроизводился не сам сон, а то время, где он оказывался, обстановка и атмосфера, окружавшая его там, – события всякий раз оказывались разными. Однако всегда – тревожащими и даже зловещими. И важными. Почему-то казалось, что они имеют самое непосредственное отношение к сегодняшнему дню, и поэтому кто-то (или что-то) хочет через Данилова о чем-то рассказать, поведать, предупредить. Но о чем рассказать и о чем предупредить?

Вот и сегодняшнее видение – было оно до чрезвычайности реалистичным, и никаких примет сна даже не имело. События развивались ясно, просто, одно за другим, без перескоков и странных превращений. И время текло последовательно, как в действительности. Словом, ничем от реальности не отличался тот сон.

* * *

Он вышел из дома. Из своего дома, не Вариного. Проживал он до переезда к любимой неподалеку от платформы Маленковская, на тихом Рижском проезде. (Сюда он сменял, с доплатой, свою квартиру на улице Металлургической.) Вот и сегодня – да, сон был чрезвычайно реалистичный! – он вышел из собственного подъезда в тихий двор. Еще скользнула во сне мысль: «А где Варя? Почему я один? Почему ее рядом нет? Что с ней случилось?»

Время было во сне другое, и он знал его совершенно точно: будущее, 2033 год. Двор производил впечатление чуть ли не вовсе покинутого. Для начала машины, что стояли внутри двора – а все парковочные места до единого оказались заняты, – явно последние пару недель, а то и месяцев, со своих мест не трогались. Все были покрыты пылью, а кое-где тополиным пухом и упавшими листьями. (В реальности заканчивался ноябрь, а во сне Алексею виделось лето – самый его излет, ближе к осени.) Одна машина, не нашедшая себе места в междворовом проезде, темнела, брошенная на газоне. Она лежала на боку, окна выбиты, и такое складывалось впечатление, что она кому-то мешала и ее просто, в стиле раз-два-взяли, скovyрнули и перевернули с проезжей части на газон.

И никаких людей не было вокруг. Не поспешали бабки воспользоваться счастливым пенсионерским часом в ближайшем гастрономе, подростки не неслись в школу (либо из нее), и мамочки не прохаживались с важным видом в

сопровождении колясок. Лишь в дальней оконечности двора маячило несколько фигур – если точнее, трое. В черных спортивных курточках и надвинутых на лоб капюшонах, они как-то покачивались и производили впечатление алкашей, собирающих мелочь на бутылку, а еще точнее, наркоманов – потому что молодыми они были. Молодыми и крепкими. Все трое обернулись и посмотрели в сторону Данилова – и взгляд у всех был нехороший, оценивающий. Так глядят обычно в сторону добычи. Шакалы, к примеру, так смотрят на пасущуюся в стороне козулю. Но в следующий момент, поглядев и оценив – холодком повеяло от их взглядов, – парни все-таки решили не связываться. То ли слишком далеко Леша от них находился, то ли почему-то не представил интереса.

Алексей вышел на улицу Космонавтов. В реальности она обычно бывала запружена поспешающими авто. Среди дня они неслись, утром и вечером – ползли. Но всегда занимали все полосы, что в одну сторону, что в другую. Однако теперь ни единой машины не проезжало ни по одной из шести полос. Ни одной! Зато пространство и вдоль обочины, и вдоль разделительного бордюра было заставлено брошенными авто. И даже на разделительном газоне, приминая траву, стояла пара-тройка машин. И все они – как и те, что парковались в даниловском дворе, – производили впечатление выкинутых, причем давно: тусклые оконца, слои пыли и грязи, черные потеки и присохшие почки.

Но вот началась хоть какая-то движуха. В сторону метро проехал троллейбус – как ни странно, весь полный людьми, даже задняя дверца оказалась неплотно закрыта – оттуда торчал, не помещаясь, кусок чьего-то толстого бока и спины. Мелькнули лица пассажиров за окнами – как и нынче, безразличные и бесконечно усталые. Затем медленно, на очень малой скорости, проехала машина полиции. Из нее двое офицеров внимательно вгляделись в Алексея – он на улице был совершенно один, – но, видимо, полицейские, так же как наркоманы во дворе, решили, что он не представляет для них интереса.

Что-то еще в привычном городском пейзаже смутно беспокоило Данилова, и он не мог понять что. Вроде те же самые, что наяву, многоэтажки по обе стороны дороги – они были по-московски разномастными, без оглядки на вечность или генплан: панельный дом, построенный в начале пятидесятых прошлого века, соседствовал с кирпичным из шестидесятых, далее следовала брежневская панельная двенадцатиэтажка или «улучшенная планировка» – последний писк социализма. Теми же вроде были магазины: «Пятерочка», «Билла», «Седьмой континент», и они даже, кажется, работали, только из дверей никто не выходил и никто не входил. А вот пара непродовольственных лавок – магазин

писчебумажных товаров и зоомагазин – казались заброшенными: пыльные витрины заколочены фанерой, по паре букв с вывесок исчезли. Однако не в том заключались главные (и тревожащие) перемены. И Алексей наконец понял, в чем они.

Из городского пейзажа исчезла Останкинская башня. Телевышка всегда присутствовала здесь, и днем, и ночью – когда ее расцветивали то рекламой, то цветами российского флага. Она как бы венчала улицу и была доминантой пейзажа – но теперь ее не стало. И еще: не оказалось памятника космонавтам – титановой, устремленной в небо запятой. В первый момент Алексей подумал, что его скрывают знаменитые «полстакана» – полукруглая туша гостиницы «Космос». Но нет, Данилов продвигался вдоль улицы все ближе к ВДНХ, и по законам перспективы обелиск давно уже должен был появиться в поле зрения – но его тоже не оказалось.

А улица, как прежде, была пустынной: никаких прохожих и никаких проезжих машин, только еще один битком набитый, как прежде, троллейбус просквозил в сторону выставки.

Люди возникли совсем неподалеку от метро, на пересечении с проспектом Мира. Прямо на газоне был припаркован грузовик-фургон, к которому змеилась хмурая очередь. Люди довольно быстро получали какие-то объемные пакеты и небольшие коробочки, похожие на лекарства от насморка. Иные немедленно раскрывали эти лекарственные коробки – и впрямь, в них находилось что-то вроде упаковок спрея для носа. Кто-то тут же раскрывал упаковку и пшикал себе в ноздри.

Данилов спросил у одного из отоваренных: «А что дают?»

Непонятно было, из какого лексикона, из какого советского далека вдруг выпорхнул у него этот социалистический глагол – «дают», вроде всю свою сознательную жизнь прожил Данилов при капитализме и сроду это словечко не применял. Мужик лет тридцати в поношенной футболке посмотрел на него, словно Алексей с луны упал, и хмыкнул: «Гуманитарку и антид». С «гуманитаркой» все было более-менее понятно – гуманитарную помощь, отец рассказывал, в конце восьмидесятых западные страны голодающему Советскому Союзу посылали. А вот что такое «антид»? Данилов дернулся спросить у мужика, но того и след простыл.

Он вышел на проспект Мира и огляделся. По этой транспортной артерии автомобили ездил далеко не так много, как раньше, но все-таки. Пронеслась пара черных машин с мигалками, проехала «Скорая помощь», прогрохотала фура. Но поток, наверное, раз в сто сократился. И воздух, видимо, от этого казался свежим и чистым.

На противоположной стороне проспекта его привлекло какое-то шевеление. Алексей присмотрелся. На монументе «Рабочий и колхозница», блистающем в солнечных лучах своей нержавеющей сталью, ему привиделись шевелящиеся черные точки. Двое оседлали выдвинутые вперед ноги фигур. Еще один сидел на отодвинутой назад другой ноге Рабочего, вдобавок парочка взобрались на его плечи. Издалека они казались Данилову чем-то вроде мушек, но это, несомненно, были люди. Вокруг каждого к постаменту спускалось по паре веревок – то была страховка. Оттуда раздавался резкий звук. Даже рассеянный расстоянием, он все равно неприятно резал уши – то был лязг сразу нескольких работающих болгарок.

Донесся вой полицейских сирен, и мимо Данилова в сторону монумента пронеслись, одна за другой, сразу три полицейские машины. А потом отставленная назад правая рука Рабочего, отрезанная болгаркой в районе плеча, отвалилась и рухнула вниз. Почти немедленно упала опущенная вниз левая рука Колхозницы. И тут же со стороны монумента донеслись пистолетные выстрелы. На них ответила автоматная очередь, а потом один из тех, кто сидел на плечах Рабочего, сорвался и полетел вниз.

«Что происходит? – подумал Алексей. – Отчего этот вандализм и для чего? За что и кто калечит знаменитый памятник? И что в подоплеке преступления? Экономика – кто-то хочет продать скульптуру на лом? Политика – кому-то стал ненавистен этот прекрасный символ всего советского? Или это чистый вандализм?» Молодому человеку хотелось подобраться ближе и узнать – но он понимал, что не увидит ничего, кроме полицейской операции, и никто ему ничего объяснить не станет.

Яростная стрельба со стороны монумента продолжалась, еще один черный человек полетел с его высот на землю. Следом, как возмездие за убийство, повалились вздетые вперед и вверх длани с серпом и молотом: левая рука Рабочего, правая – Колхозницы. Перестрелка стала потихоньку стихать. На четвертованном монументе никого больше не осталось – только на безруких инвалидских торсах блистали несчастные головы обезображенных статуй.

И в этот момент Данилов понял, зачем он здесь и что ему в этом мире обязательно следует узнать и увидеть.

И – проснулся.

* * *

Потом день был как день.

В час Данилов начал прием, а закончил в десять вечера, с часовым перерывом на обед. Семеро посетителей с проблемами разной степени сложности – это было тяжеловато.

Потом, потихоньку отходя от чужих проблем и горестей, он обсудил со своим бессменным и преданным импресарио Сименсом планы на будущий месяц – по всему выходило, что сразу после Нового года им придется выехать на Дальний Восток: во Владивостоке и Хабаровске Алексея давно ждали.

Домой, то есть к Варя на Новослободскую, он добрался только без четверти полночь. Варя уже спала, уютно устроившись в кровати и не погасив ночник.

На столе в кухне его ждал ужин. У Кононовой начался очередной бзик здорового питания, поэтому в этот раз – «цезарь» с креветками с большим количеством разнообразной травы. Впрочем, Варя готовила так хорошо, что из ее рук вкусным выходило любое блюдо, невзирая на исходные ингредиенты. Алеша поел с удовольствием, по ходу дела просматривая на планшете новости.

А спустя полчаса, почистив зубы, уже устроился рядом с большим, жарким и любимым, спящим Вариным телом. Он обнял ее, но она засопротивлялась, пробормотала сквозь сон: «Уйди, жарко», – и перевернулась на другой бок и отодвинулась.

Делать было нечего, да и спать хотелось. Данилов улегся навзничь в йоговскую «шавасану», стал представлять, как расслаблен большой палец левой руки... указательный... средний... безымянный... И спустя пару минут ему начал сниться предыдущий, вчерашний сон – словно сериал запустили ровно с того места, на

котором он остановился прошлой ночью.

* * *

Данилов смотрел на обезображенный монумент Рабочему и Колхознице, безо всех четырех рук и с печально торчащими головами, и понимал, что ему зачем-то следует ехать в город Мытищи. Он, словно в навигаторе, знал адрес, куда ему надлежит прибыть, однако понятия не имел, ради чего. И что ему надо там увидеть и узнать.

Он перешел через проспект Мира по подземному переходу. Он запросто мог бы перескочить его поверху – автомобильное движение позволяло, но решил оставаться здесь, в чужом мире, посетителем законопослушным. В подземном переходе попала ему навстречу пара прохожих – хмурых и озабоченных, никаких отличий от привычного ему времени. Но вообще людей в городе стало гораздо меньше. Даже в конце каникул, где-нибудь в двадцатых числах августа, народу в столице обычно раз в пять, а то и в десять больше. Ау, москвичи, куда, интересно, вы все делись?

Когда он вынырнул из перехода, стал виден крупным планом разрушенный монумент покорителям космоса. Начиная с постамента, весь он, на высоте примерно метров десяти, был срезан и прикрыт маскировочной сетью. И непонятно было, как и в случае со скульптурой Мухиной, что произошло. Вандализм? Добыча металла для нужд отечественной промышленности? Или на экспорт? А может, возникли странные, совсем новые идеологические войны и соображения? И кто и почему разрушил до основания Останкинскую телебашню?

У метро «ВДНХ» Алексей без труда отыскал остановку автобуса, идущего в Мытищи. Билет стоил тысячу рублей – многовато, конечно, но, учитывая инфляцию, вполне к 2033 году терпимо. Тем более что купюры у него в портмоне нашлись. Имелась там и невиданная пока в действительности двухтысячная – с пейзажами Владивостока, и десятитысячная – с видом моста через реку Дон и собора в Ростове-на-Дону.

Народу в автобусе оказалось немного, и Данилов уселся у окна. Скоро тронулись, и мимо слева пронесся и уплыл обезображенный «Рабочий и колхозница». Никто на плечах статуй больше не сидел, выстрелов не раздавалось.

Алексей, поглядывая в окно, достал сотовый телефон. Да, мобильник у него был, и сигнал ловился приличный. Он зашел в список контактов, однако тот оказался пуст, ни одной фамилии. Данилов набрал телефон Варвары (один из немногих, который помнил наизусть) – голос в трубке сообщил, что номер не существует или выключен. Он отщелкал телефон своего менеджера Сименса – результат тот же.

Данилов решил выйти в Интернет. Сеть присутствовала, но шалила, подключиться к ней ему не удавалось. Телефон постоянно запрашивал какой-то «личный пароль». Алексей перебрал все возможное: собственную дату рождения, и дату рождения покойного отца, и имя с днем рождения Варвары (что было его паролем в действительности) – подключиться не удавалось. Наконец он заметил еле приметную плашку: «Забыл или утратил пароль?» и нажал на нее. В ответ высветилось: «Ваша личность будет проверена. Срок проверки – от 3 до 24 часов». Алексей присвистнул. Seriously у них тут, в будущем, обстояло с компьютерной безопасностью.

Потеряв надежду выйти в Сеть, Данилов воткнул в уши наушники и поискал радио FM-диапазона. Радиотрансляция, слава богу, присутствовала. На первой волне исполняли что-то инструментальное и духоподъемное, типа марша. На второй чистый детский голос выводил песню, написанную еще до даниловского рождения: «Гляжу в озера синие, в полях ромашки рву...» И только на третьей обнаружилось то, чего Алексей алкал: новости. Вещал хорошо поставленный, внушительный и какой-то верноподданнический голос. Такими голосами зачитывали новости советские дикторы в пору, когда Данилов был мальчиком:

«...состоялось совместное заседание штаба Национальной гвардии, коллегии Министерства обороны и секретариата Тайной полиции. На заседании выступил президент страны, – Данилов слегка напрягся: чья же фамилия будет произнесена? Неужто знакомая? Но вместо долгожданного имени продолжили зачитывать регалии: ...маршал, академик, товарищ Долотов. В своем выступлении товарищ Долотов особо подчеркнул необходимость борьбы с терроризмом, а также с попытками сменить существующий политический строй и с незаконной эмиграцией за пределы страны. «Наша граница на замке, – сказал президент, – и никто не должен нарушать ее. Как извне, так и, в особенности, снаружи! Мы россияне, и мы должны жить в России» – конец цитаты. А сейчас – рекламная пауза! Не переключайтесь! – И совсем другой голос, женский и якобы обольстительный, продекламировал: «Бесплатное

переселение! Меняем вашу квартиру в Москве на дом со всеми удобствами в Пензенской области! Коттедж от ста квадратных метров на берегу реки, участок от тридцати соток! Переезд за наш счет! Звоните прямо сейчас!»

Затем вернулся прежний размеренный голос диктора:

– Сообщаем курсы основных валют. Продолжается дальнейшее укрепление рубля по отношению к доллару и евро. За одного «американца» сегодня на межбанковской валютной бирже дают двести семнадцать рублей и три копейки, за единицу европейской валюты – двести тридцать четыре с половиной рубля. Стоимость нефти марки «брент» достигла сегодня двух целых и тридцати сотых доллара...

Данилов дернулся. Он не ослышался?! Нефть стоит два с небольшим доллара? Что у них тут случилось?

Чтобы проконтролировать себя – давняя, вбитая в него еще на факультете журналистская привычка заставляла проверять по два-три раза всякую информацию, искать альтернативные источники, – он стал крутить виртуальное колесико настройки. Вот другое новостное радио, и в нем прозвучало вдруг название «Мытищи», куда он зачем-то, непонятно зачем, ехал:

– ...В Мытищах продолжается несанкционированный митинг, в ходе которого на балкон, по многочисленным просьбам толпы, вышел, в сопровождении собственной охраны и приспешников, Елисей Кордубцев. Он сказал несколько слов собравшимся, однако те стали требовать чудес и хлеба. Прямо с балкона Кордубцев начал разбрасывать продукты питания. В результате в толпе произошло несколько столкновений, имеются раненые, которые доставлены в местную больницу. Затем, по требованию собравшихся, лжепророк продемонстрировал пример якобы исцеления. На балкон был выведен увечный, которого Кордубцев якобы излечил. Как утверждают врачи, нет никакого сомнения, что «выздоровление», – диктор так произнес последнее слово, что было очевидно, что его следует взять в кавычки чрезвычайной жирности, – является не чем иным, как грубой подтасовкой. Однако собравшиеся приняли эту жульническую манипуляцию с восторгом и разразились аплодисментами. Толпа бросилась к Кордубцеву, желая также получить от него свою порцию здоровья, – голос диктора зазвучал со всем возможным сарказмом, – однако была оттеснена отрядом доблестной нацгвардии и личной охраной лжецелителя. Тем не менее собравшиеся на площади в Мытищах по-прежнему

не расходятся. Доблестная нацгвардия начала раздачу им горячего питания.

Затем диктор повторил курсы валют и стоимость барреля нефти – бочка, да, ценилась страшно низко: два доллара и тридцать четыре цента.

Что происходит и что тут случилось?

Автобус бодро несся дальше, приближаясь к окраинам города. Автомобильного трафика практически не существовало, а все обочины были впритык заставлены машинами – очевидно, брошенными. В иных местах они стояли даже в два ряда. Промелькнули две заправки «Бритиш петролеум», которые Алексей помнил еще со своего времени – одна на левой стороне проспекта Мира, вторая на правой. Обе производили впечатление навсегда покинутых: ни единого человечка вокруг, грязные колонки, кое-где разбитые витрины.

Рекламных плакатов также сильно поубавилось в сравнении с реальностью, и выглядели они старенькими, выцветшими и залитыми дождями и придорожной грязью. Продвигались в основном вещи знакомые, привычные: мобильная связь, шоколадки и даже новая модель «БМВ». На «автомобильном» плакате мелькнуло: «Работает на полностью возобновляемых источниках энергии!» И еще один билборд, свеженький, с иголки, восхвалял (как и недавнее радиосообщение) переселение из Москвы на периферию:

ЦЕЛЕБНАЯ СИЛА АЛТАЯ!

БЕСПЛАТНО МЕНЯЕМ ВАШУ КВАРТИРУ НА ДОМ С УДОБСТВАМИ НА БЕРЕГУ КРИСТАЛЬНОЙ РЕКИ!

ПОЛЦЕНЫ ЗА КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ, СВИНЕЙ, КРОЛИКОВ И КУР!

ДЕСЯТЬ ГЕКТАРОВ ПАХОТНОЙ ЗЕМЛИ В АРЕНДУ!

Вероятно, именно эти объявления, вкупе с ценами на нефть, заброшенными машинами и бензозаправками, объясняли малое количество людей на улице и общее состояние заброшенности и неуюта.

Может (размышлял Данилов), случилось следующее. В мире создали дешевые источники альтернативной энергии. Кто знает, водородные двигатели или солнечные батареи с огромным КПД. И корпорации не стали их придерживать и мариновать, а успешно внедрились – в результате чего цена на нефть (и газ) на биржах стала катастрофически падать. Как следствие, российская экономика, круто завязанная на добыче сырья, стала резко падать. Нет доходов – нет налогов, не стало даже денег, чтобы переработать нашу нефть в бензин. Деваться людям некуда, границу снова, как во времена коммунистов, закрыли на замок. Работы нет, налоговых поступлений нет, и столичный люд потянулся в деревню – кормиться собственным трудом.

Но это была всего лишь версия. Чтобы узнать подробности, следовало завести разговор с кем-то из попутчиков – в дороге люди становятся болтливыми, – узнать, как у них здесь все организовано. Прикинуться, допустим, иностранцем, лишь час назад прибывшим в Москву (в сущности, так оно и было), и выяснить, что к чему. Народу в автобусе немного, каждый занял отдельное сиденье у окна, можно спокойно пройти по салону, подсесть и поговорить. Вон откинулся насупленный подросток с наушниками и в капюшоне, дремлет пенсионер в шляпе и старой одежке, девчонка увлеченно переписывается с кем-то по мобильнику. Но что-то внутри, какой-то внутренний, что ли, голос шептал Алексею: не надо ничего выяснять. И иностранцем не надо прикидываться. Не накликай бы беды. Как там, бишь, сказал, в изложении радио, маршал-академик-президент Долотов? Наша, заявил, граница на замке, и мы не позволим ее нарушать изнутри или снаружи. Может, у них тут иностранцы, как во времена Сталина, диво-дивное и вне закона? Сразу в кутузку поволокут?

Транспорт выскочил за пределы МКАДа и очень скоро въехал по эстакаде в Мытищи.

– Молодой человек, вы тоже к Кордубцеву едете? – подошла сзади и тронула Данилова за плечо бодрая и стройная пожилая леди с голубыми букольками.

«И впрямь, куда я еду? Наверное, действительно к Кордубцеву, раз меня даже посторонние спрашивают?»

- Да, а что?

- Попросим водителя остановиться?

- Ну, попросим.

После того как Алексей согласился, старушка повеселела. Большинство светофоров в Мытищах либо не работали, либо были переведены в автоматический режим – мигал желтый свет, поэтому городские кварталы автобус миновал довольно бодро.

- Пора просить, – настойчиво проговорила давешняя пожилая дама, и Алексей встал, двинулся по проходу и похлопал водителя по плечу: «Можете остановить вблизи Кордубцева?»

- Опять! – выругался шофер. – Когда вы уж все вместе с ним вознесетесь? – Потом он выругался беззвучно и слабо понятно, что-то вроде, в переводе на литературный русский, «Надоели святоши!» – однако через три минуты лихо тормознул у тротуара и выкрикнул: – Кордубские! С вещами на выход! Дальше «кирпич». Пешком идите.

Данилов выскочил первым и, в силу природной вежливости, подал руку старушке. Она с достоинством вдовствующей королевы оперлась на его ладонь, спустилась и молвила: «Благодарю вас, молодой человек». Автобус бодро отвалил от бордюра и скрылся в переулке. «Вот кто может рассказать мне, что происходит», – подумал молодой человек в адрес пожилой леди.

- Извините меня! – окликнул он ее. – Не могли бы вы, пока мы идем, кое-что мне пояснить?

- Пояснить? Что же?

- Вы знаете – вы только не смейтесь, я вас не разыгрываю, – но у меня случай амнезии, довольно редкий. – Бабуля заинтересованно слушала. – Я ровным счетом ничего не помню из того, что происходило в мире в последние пятнадцать лет. Прямо-таки ничегошеньки. Поэтому хочу спросить: что случилось? Что творится? Со страной и людьми? Почему так мало людей на

улицах? И машин? И бензоколонки закрыты? И нефть такая дешевая?

- Да ты хохмишь! - недоверчиво глянула старушка. - Косишь под придурочного?

Косишь и хохмишь как-то выпадали из традиционного старушечьего лексикона, но потом Алексей прикинул, что пожилой леди на вид, верно, лет восемьдесят - восемьдесят пять. Стало быть, она - тысяча девятьсот пятидесятого - пятьдесят пятого года рождения, поэтому словечки как раз звучали из ее поколения.

- Ни разу не вру.

- Во всем виноват Трамп, - убежденно и эпически молвила женщина. - Как он сказал, гад, в восемнадцатом году: «Мы эту Россию проучим», - так оно и вышло. Правильно его пристрелили.

- Пристрелили?! Кто?

- Один чернокожий фанатик-демократ. Его судили, да оправдали потом.

- А что же Трамп нам сделал?

- Договорился с империалистической кликой, олигархами, - стала шпарить, как по писаному, бабуля, - что они свои разработки возобновляемых источников энергии перестанут под спудом держать, а откроют и начнут ими широко пользоваться. Так оно и вышло. Машины стали на водороде ездить да на электричестве. Электростанций понастроили ветряных да солнечных. Вот нефть и рухнула. Все специально, чтобы нам, России, досадить.

- А почему в Москве машины-то не ездят? Нефти в стране полно - значит, бензину должно быть дешевого - хоть залейся.

- Э, неправильно это. Нам Киселев все объяснил...

- Он живой еще?!

- А что с ним будет? Киселев, - проговорила старушка с придыханием, - это наш министр культуры и энергетики.

– Какой кошмар, – проговорил Алексей, спохватился и добавил: – То есть я рад за него и за всех нас.

– Короче говоря, – продолжила вещать леди, – невыгодно стало нефтьюшку нашу российскую в стране перерабатывать. Нефтяные компании разорились. Один магнат – такой, широкомордый – сам застрелился. Другого, толстенького, за долги пришили. В общем, бензина теперь в стране больше нету. Кто богатый – на водороде ездит. Но богатые у нас, как обычно, наперечет... – И она мелко рассмеялась.

– А почему народу в Москве так мало?

– А потому и мало. Что тут делать-то теперь? Денег нет, налогов нет. Еле на пенсии наскребают. Все подались в деревню, на природу. Картошку растят, курей заводят, кроликов. Кто помоложе, коров, бычков выращивают. Маслодельни, сыродельни всякие организуют.

– А что с памятником покорителям космоса случилось? И с Останкинской башней? И с «Рабочим и колхозницей»?

– Подвальные озоруют.

– Какие «подвальные»?

– Позиционеры. Террористы. Которые хотят нашего великого президента скинуть.

Тем временем они дошли по пустынной улице до городской площади. Ее зрелище реально впечатляло. Вся она оказалась окружена по периметру железными полицейскими барьерами, просветы в которых охраняли фигуристые бойцы нацгвардии в бронежилетах, касках и с электрошокерами на поясе. Несмотря на это, внутри, за загородками, вся площадь была переполнена народом. Тысяч пять, а то и десять здесь собралось. Люди стояли группами, поодиночке, переходили с места на место. В центре, словно на каком-нибудь майдане, зеленело штук семь больших армейских палаток и дымила полевая кухня. На краю площади возвышался целый строй синеньких пластиковых туалетов.

Бабулька с сиреневыми букольками воткнулась в нац-гвардейца рядом с оградкой и стала умолять его пропустить на площадь – а тот лишь повторял, довольно ласково: «Здесь вход закрыт».

– Где ж он открыт? – вскричала пожилая леди.

– Попробуйте с противоположного конца площади.

Старушка бодро бросилась обходить, но Алексей откуда-то понимал, что это все туфта, ни там, ни где-нибудь еще даму не пропустят. А вот он почему-то может пройти. И когда пожилая леди удалилась от него на достаточное расстояние (жаль было огорчать ее), Данилов подошел к тому же гвардейцу и тихо сказал:

– Моя фамилия Данилов. Я есть в списке.

Гвардеец немедленно связался с кем-то по рации – отвернувшись и произнося слова так тихо, что Алексей ничего не понял, а потом отодвинул свое огромное бронированное тело: «Можете пройти».

Многочисленная толпа, собравшаяся на площади, тяготела к административному зданию, стоявшему на ее краю. В ту сторону она как-то густела, плотнела – да и вообще народ чаще обращался туда взглядами, будто бы ждал чего-то. Некогда в здании, возможно, заседала власть: конструктивистский стиль, три этажа, башенка с часами, длинный балкон. «Не на этом ли балконе, – мелькнуло в голове у Данилова, – происходило действие, что описали в радиопередаче? Раздача еды и исцеление страждущих?» Он пробирался сквозь толпу в сторону здания. Миновал две полевые кухни, оттуда несло гречневой кашей, и люди отходили с плошками, переполненными едой.

Встретилась еще одна цепь из загоронок, охраняемая гвардейцами. Повторился тот же диалог: Алексей уверил, что состоит в неких списках – и его пропустили.

Наконец он достиг подъезда здания – его сторожили не только бойцы, но и пара человек в штатском, у которых, однако, на боку болтались автоматы Калашникова. В ответ на фамилию Данилова в их руках явились пресловутые списки, по которым один из вооруженных штатских помусолил пальцем, нашел искомое и мотнул вовнутрь стволом автомата: «Пройдите».

Внутри складывалось впечатление, что здание недавно захвачено и используется явно не по назначению. Что-то вроде революционного Смольного.

То и дело проходят деловитые штатские люди – но многие из них с огнестрельным оружием, кто-то тащит под мышкой партию листовок, в кабинете, куда случайно распахивается дверь, идет совещание, и оттуда вдруг доносится обрывок фразы: «...Вопрос не в том, когда мы выступим на Москву, а...» – но дверь на самом интересном месте захлопывают.

Провожатый довольно споро ведет Данилова по коридорам – Алексей едва за ним поспевает. Наконец они достигают некой приемной. Там сидит довольно строгая тетя в роли секретарши – руки на клавиатуре ноутбука, – а также двое охранников в штатском с автоматами.

Секретарша поднимает глаза от печатного текста. «Доставили», – кивает даниловский провожатый. Начальница приемной, обходя охранников, словно бессловесные тумбы, подходит к кабинету и очень ласково, на пределе слышимости стучит. Алексей замечает, что со стены свинчена табличка с именем бывшего руководителя – а новой нет, остались только отверстия под шурупы.

В ответ из кабинета раздается ровный голос:

– Войдите!

Секретарша скрывается за дверями, а через минуту, не глядя в лицо Данилову, строго говорит ему: «Можете заходить».

Кабинет по старой советской моде оснащен тамбуром – чтобы подчиненные не слышали, что вершится в начальственных покоях. Такой, помнится, был у отца, когда Алексей мальчиком приходил к нему на завод. В каком году это было – в восемьдесят восьмом, восемьдесят девятом? Отец тогда пребывал в бодром здравии и силе, директор завода в любимом Энке. Воспоминание приходит и отлетает. Данилов оказывается в кабинете.

Он весьма просторен, а за широким французским окном в самый пол виднеется пресловутый балкон (верно, о нем шла речь в радиотрансляции). Видны также часть огромной, переполненной народом площади, дым от полевых кухонь и

пластиковые сортиры.

За столом сидит красивый молодой мужчина лет тридцати с небольшим – из породы тех, в которых даже по фотографии влюбляются женщины, особенно не самой первой молодости и много повидавшие и пережившие: тонкие черты лица, чувственные и немного капризные губы, длинные белокурые вьющиеся волосы, длинные ресницы, тонкий нос, красивые глаза. Его можно было бы даже уподобить Иисусу Христу – если бы не глаза. У Спасителя они хоть и строгие, но всепонимающие и всепрощающие. У этого типа – наоборот: жесткие и безжалостные. Готовые не все простить, а все свершить. В том числе любую подлость, поддаться на любой соблазн.

Мужчина замечает появившегося Данилова, но делает предостерегающий жест – он диктует. Напротив него сидит юная стенографистка и со страшной скоростью шпарит за ним в планшете. А хозяин кабинета продолжает свою мысль – голос его звучит патетически, обороты в речи используются выпендренные:

– ...Вы можете спросить меня, почему мы не идем на Москву и когда наконец мы вступим в нее? Это законный вопрос, и я отвечу вам на него так: мы ничего не сделаем против воли народа, против вашей воли. И когда вы призовете нас, когда во всеуслышание скажете МНЕ, – «мне» звучит в его речи, будто выделенное самым крупным шрифтом, – придите к нам! – тогда Я и люди мои придут и возьмут вас! Тогда – но не раньше того, как вы позовете! – Затем совершенно другим, не выпендренным и не патетическим, а совершенно обыденным голосом диктующий произносит: – Все, точка. Конец. Дай гляну – и отдавай в печать. – Девушка-стенографистка робко протягивает ему через стол планшет. Начальник делает небрежный жест Данилову – типа, сядь уже наконец, не маячь – и углубляется в экран с набранным текстом. Вдруг в какой-то момент зловеще восклицает: «Это еще что такое?!» – и швыряет, да, самым буквальным образом швыряет планшет через стол секретарше. Ей удается неловко поймать планшет на лету, и она принимается в него всматриваться. Девушка начинает дрожать – видно, что она чрезвычайно опасается своего руководителя. Она, кажется, не понимает, чем он недоволен и чего от нее хотят.

– Что это ты написала? – спокойным и чрезвычайно ровным, но зловещим голосом произносит он и цитирует по памяти: – «Я обещаю дать вам все, что вы только не захотите: дома и квартиры, и лучшую пищу, и прекрасные зрелища – все, что вы ни пожелаете». Ты откуда это взяла?

- Но вы же говорили... - подрагивающим голосом произносит девушка.

- Не выдумывай, пожалуйста. Вычеркни.

- Но вы...

- Не спорь. - Голос звучит зловеще.

И тут, прямо на глазах Данилова, происходит следующее: голова девушки вдруг сама собой дергается и отшатывается. На щеке проступает красная полоса. Полное впечатление, что ее кто-то ударил, стегнул кнутом. Но физически ее никто не бил. Начальник как сидел вдали от нее, отделенный столом, так и сидит - разве что пристально смотрит ей прямо в глаза.

В глазах у стенографистки закипают слезы.

- Простите, - шепчет она.

- Бог простит, - усмехается начальник. - Иди и вычеркни все эти обещания. Пока не время.

Девушка вскакивает и выбегает из кабинета.

Сидящий за столом руководитель обращает свою красивейшую голову к Данилову:

- Иногда они не понимают, приходится волей-неволей давать им уроки, - и Алексей догадывается, что вся эта сцена - и придирка к ошибке, и сдержанный гнев, и виртуальный хлыст, вдруг обрушившийся на девушку, - не что иное, как игра на публику. Постановка, у которой один зритель - он, Данилов. И цель ее очевидна и единственна: продемонстрировать ему свои умения и могущество.

- Я рад, что ты пришел, - говорит, обращая к нему свои прекрасные и безжалостные голубые глаза, хозяин кабинета. - Пусть пока виртуально, но все-таки пришел. Пойдем. - Он привстает и делает гостю жест подняться, потом манит к окну и отдергивает штору. На балкон они не выходят, просто стоят вместе, рядом, и Кордубцев кладет руку на плечо Данилову.

Замечая их в окне, вся площадь раздражается приветственными криками и аплодисментами. Кто-то в толпе опускается на колени.

– Ты видишь, какая мы сила? – шепчет он в ухо Алексею. – Видишь, какая мы сила вдвоем?

Потом он отводит его от балкона и посреди кабинета, уставившись Алексею прямо в очи, говорит:

– Найди меня там, в твоём времени. Найди, и мы сумеем начать раньше – и сделать больше. Найди – и весь мир покорится нам – не сейчас, в тридцать третьем, а раньше, много раньше. Разве ты не хочешь считаться на земле богом или полубогом, иметь все, чего только ты не пожелаешь, и вершить дела всего мира? Ты один, сам по себе, Данилов, слаб – и ты слишком порядочен, слишком скован запретами своего никчемного воспитания. А я – я освобожу тебя от всяческих затхлых табу, и ты, усилив мою мощь своими умениями, станешь (вместе и рядом со мной, разумеется) настоящим и подлинным владыкой мира, властителем всего живого – а значит, всей Вселенной!

Данилов слушает его и понимает, что, несмотря на самые прельстительные речи, невзирая на самые широкообещательные обещания, от Кордубцева исходит крайне тяжелое ощущение – одновременно страшное и гадливое, как если бы этот молодой красивый мужчина был омерзительной тварью, чужим с капающей изо рта ядовитой слюной. А предложение, что он изрекает, пусть оно и звучит прельстительно, но для Алексея настолько неприемлемо, словно предложение убить любимого человека, разделать его тело и съесть его печень.

И Данилов кричит во сне, дергается и, слава богу, просыпается.

Варвара

Как ни странно, Варе в тот день по службе тоже потребовалось заниматься снами. Слава богу, чужими.

С какой вдруг стати?

Не так давно ей пришлось расследовать разбойное нападение на лучшего футболиста России, центрфорварда сборной и столичного «Гладиатора» Игоря Сырцова. Однажды ночью его сильнейшим образом избили на московской улице[4 - Более подробно читайте в повести Анны и Сергея Литвиновых «Вне времени, вне игры»]. С тех пор прошла пара лет, а Сырцов так и не оправился. К концу следствия, слава богу, вышел из комы. После чего долго лечился в московском госпитале, потом в Германии. Восстановился, но на высшем уровне пока не заиграл. Пропустил чемпионат мира в Бразилии, французское первенство Европы. И до сих пор не набрал кондиции, выступал за вторую команду клуба, «Гладиатор-два», играл то в Хабаровске, то в Тюмени, то в Тамбове. Не в высшей, а во второй лиге. А когда возвращался в столицу, сидел взаперти на базе, соблюдал спортивный режим.

Варя за ним долго охотилась, намеревалась поговорить – да не по собственному желанию, полковник Марголин требовал поставить все точки над «і» в давнем деле. Но только сейчас, в конце ноября, когда первая половина сезона кончилась и игроки разъезжались на каникулы, футболист соизволил согласиться с ней побеседовать. И то ведь только потому, что мама игрока, Антонина, вмешалась. Помнила, как Варя сидела вместе с ней у распростертого тела сыночка, прикованного к койке. Как носилась по городам и весям, залезала в чужие души без мыла – расследовала его дело.

Встречу Сырцов назначил в лобби гостиницы «Маджестик» в самом центре Москвы. Чтобы не связываться с пробками и парковками, которые в последнее время стали совсем невыносимыми, Варя отправилась туда на метро.

Швейцар в цилиндре, похожий на молодого доцента, открыл перед Варей тяжелую дверь. Лобби пятизвездного отеля дышало спокойным пафосом. В первый момент Кононова даже заробела из-за неновых сапог, оттоптаных в метро, да и пальтишка своего – хоть и в Америке купленного, от «Ральфа Лорена», так ведь не «Берберри» же, не «Валентино». Но потом подумала: какого черта! Она сюда не на свидание пришла, а по работе. И если кому-то не нравится, как она выглядит, пусть идет лесом!

Вообще, Варю в последнее время (заметим в скобках) стали посещать мысли о собственной никчемности. Тут и неприятности по службе вместе с понижением в

звании и должности сыграли свою роль. (Невзирая на то, что ни в чем Варя не раскаивалась. Считала, что абсолютно правильно в той истории с Алешей поступила.)

Вдобавок мысли о женском предназначении... Подружки по школе и университету практически все замужем, иные по второму разу. А даже те, что в разводе, – почти все наследниками обзавелись, кое-кто даже двумя. Да и трехдетные были! А они с Даниловым, даром что любовь, вопрос о будущих ребятишках даже друг с другом не обсуждают. Потому что и без того ясно, что стремно – и ему, и, тем более, ей: а вдруг будущая детка унаследует странные качества папаши? И хорошо еще, если они социально приемлемыми, как у Алеши, окажутся – лечить наложением рук, исчезнувшие предметы разыскивать. А если дочка или сыночек с асоциальными свойствами выйдет? Станет, как даниловская сестрица сводная, океанские теплоходы затапливать усилием мысли? Портьеры в гостинице поджигать?[5 - Об этом можно прочесть в книге Анны и Сергея Литвиновых «В свободном падении».] Словом, получалось одновременно: и желается, и нужно, и нельзя, и опасно. Поневоле взвоешь от подобного когнитивного диссонанса!

Когнитивный диссонанс – этому выражению Варю филолог Алеша научил. Хорошее словосочетание, умное, хотя описывает то же, что и русская народная поговорка: «И хочется, и колется, и мамка не велит».

Вот такие мысли пролетели в голове Варвары в тот краткий миг, что она входила в вестибюль отеля «Маджестик».

Как ни странно, футболист Сырцов уже ждал ее. Невзирая на тяжелейшую недавнюю травму и ссылку во второй по значимости дивизион, выглядел он совершенно преуспевающим. Высоченный мускулистый красавец с голубыми глазами и легкой модной небритостью. Спортивный костюмчик со скромной эмблемой «Гладиатора» носит с таким видом, будто это «Барселона». Борсетка от, разумеется, «Луи Вьюитона» небрежно валялась на столе, запястье оттягивал золотой «Роллекс». Только вчера, буквально, парень бегал во дворе хрущобы в поселке Благодатный, да и сейчас звезд с неба не хватал, – а держится так, будто он бог или, по меньшей мере, полубог, звезда, равная Роналду.

– Выпьешь чего? – небрежно спросил он Варю. И добавил: – Я угощаю.

- Ты капучино пьешь? Закажи и мне тоже.

- Может, чего покрепче?

- Я на работе.

- А я в отпуске. С сегодняшнего дня.

- Поздравляю. Куда собираешься?

- Не знаю. Вася с Лешей зовут на Мальдивы, а Федя на Сейшелы намылился. Еще подумаю.

- Как мама? - поинтересовалась Варя вроде бы светски, но ей в самом деле было интересно. Так трогательно Антонина ухаживала за своим сыном, пока тот был в коме, с таким чувством рассказывала историю своей беременности, родов, первых лет его жизни!

- Да хорошо все с мамашей, сейчас подскочу к ней в Благодатный, бабла ей зашлю.

- Платят тебе вовремя? - спросила Варя. Она хоть и краем уха, но слышала о проблемах в российском футболе, особенно в низших дивизионах, где задержки зарплаты были обычным делом.

- Я же не в «Томи» какой-нибудь, - фыркнул футболист, - «Гладиатор» своим башляет.

Посчитав дебют их разговора разыгранным, Варя перешла к делу.

- Послушай, Игорек, ты мне рассказывал, что, когда был в коме, тебя очень яркие видения посещали. Можешь мне их пересказать?

- Видения! - усмехнулся футболист. - Да то не видения были! Не сон, не галлюцинация, понимаешь? Все как по правде было. Как будто я там в реале был!

– Как в кино?

– Да что там кино! Говорю тебе: как по правде! Будто я сам там находился, все видел и во всем участвовал! Не только наблюдал, слышал, но чувствовал, осязал, вдыхал! От реальности вообще ни разу не отличишь!

– Подробней расскажи, – попросила Варя, но тут припорхнули две девицы – по виду кто-то из обслуги, поварята или посудомойки, но в гражданской одежде. Только что сменились, наверное, и пробрались в холл для чистой публики. Попросили у Сырцова автограф и позволения сфоткаться вместе. Футболист милостиво позволил, но в душе, видно было, весь растекся радостью. Так-то его, похоже, забывать стали, во второй-то команде. Девицы, злобно поглядывая на Варю, немилосердно с игроком кокетничали и, когда снимались, прижимались к нему что есть силы цыплячьими своими грудками. Одна, заметила Кононова, подсунула футболисту листочек бумаги – наверняка со своим телефончиком. Девиц можно было понять: игроки – народ богатый, да и особо не пьющий в силу спортивного режима. Однако Варе трудно себя было представить на их месте в каком угодно возрасте. Смотрела она на них свысока, с умудренным скепсисом. Наприжимавшись к мастеру «ногмяча», девицы наконец угомонились и свалили.

– Так какой вопрос был? – переспросил Сырцов.

– Почему тебе то, что ты видел в коме, не казалось сном или болезненным бредом? – переформулировала Кононова.

– Потому что это ни разу не было ни бредом, ни сном! Ведь когда ты спишь, сплошь и рядом случается всякая чухня или лажа. Видишь ты, к примеру, как по московской улице идешь – а потом, бац, на морском берегу оказался. Или, допустим, на футбольное поле вышел, а там посредине – как будто ворота открываются, а внутри лифт. И перебрасывает тебя во сне с места на место, из одного времени в другое. А если болеешь? С высокой, там, температурой лежишь? И того чуднее видения посещают, кошмарики! Так вот, в тот раз, хоть я и в коме был, ничего подобного. Все строго логично. Если ты сел вместе с командой в автобус и тебе сказали: едем на базу – можешь быть уверен, что именно на спортивную базу мы и приедем, а не в подводную пещеру. А потом видишь, как ты на базе находишься: пошел ужинать, потом ложишься спать, а утром просыпаешься, завтракаешь, идешь тренироваться. И так – день за днем. День за днем, понимаешь? И час за часом. И безо всяких скачков или перерывов.

И все четко последовательно. Если вчера было, к примеру, двадцать первое ноября тысяча девятьсот пятьдесят шестого года, то завтра наступало именно двадцать второе. И именно ноября, и именно пятьдесят шестого, а не шестьдесят первого или две тысячи восьмого. Все текло непрерывно и безо всякой фантастики.

Варя сделала пометку в блокноте. Она и без того хорошо, близко к тексту запоминала по ходу дела рассказ футболиста – однако давно заметила: когда что-то записываешь, добросовестные контрагенты проникаются чувством большей значимости и из кожи вон лезут, чтобы припомнить еще что-то существенное для столь внимательного интервьюера.

Впрочем, центрфорварда подобные мелкие детали – пишет она или не пишет – не волновали. Он если уж разговорился, то долдонил свое – только слушай.

– А потом, говорят, сон – это небывалая комбинация бывалых впечатлений, – высказался Игорек, и Варя подивилась: с ума сойти, вот это развитие у молодого игрока, он походя физиолога Павлова цитирует! Довольный произведенным впечатлением футболист продолжал: – Но то, что я видел, когда в коме был, никакие не бывалые впечатления были. Ничего из того, что тогда во сне испытывал, я раньше никогда не касался. Все было реалистичное – да! Но совсем другое! Не из нашей жизни, не из нашего мира! Например, ты знаешь, как стотысячный стадион гудит?

– Нет, я же не футболист и на стадион редко хожу.

– А я футболист, но на стотысячнике еще не играл никогда. И потом, современные стадионы – что «Маракана», что «Сантьяго Бернабеу» – они орут! Кричат, вопят, скандируют. А тот стадион, что я слышал в коме, – он был небывалый, совсем иной. Можно сказать, социалистический, без ажитации. Когда люди спокойно себя ведут, сдержанно. Так вот, тот стадион не гремел, не вопил – он просто гудел тихонько: буууу. Я никогда такого по жизни не слыхивал, только там, во сне. Или, например, бутсы. Я там кожаными, старинными играл. Простенькие такие, коричневые. И пахнут. Сейчас так бутсы не пахнут. И никакая обувь современная тоже так не пахнет. А там я этот запах впервые почувствовал – только там! – и до сих пор его помню. И вкус, например, тамошнего коньяка армянского. Ты знаешь, я по жизни не пью, но иногда себе позволяю. Так вот, наяву я никогда ничего подобного не пил. Или девчонки тамошние, из прошлого, из пятьдесят шестого года. Я ведь там, во сне, иногда с

другими футболистами в самоволку убегал, с разными поклонницами встречался. Вроде бы девчонки как девчонки, а когда их разденешь... – тут глаз игрока хищно блеснул, – они пахнут по-другому, чем современные, дезодорантов ведь тогда не было, они по-своему, по-натуральному пахли. И трусики-лифчики у них такие, знаешь... Совершенно олдскульные, как из какого-то музея, просто тряпочки, более-менее по груди или по заднице скроенные... Так что не-е-ет, это совсем не сон был!

– Так, значит, что тогда? Что ты видел? Не сны, не галлюцинации, не видения... А – что?

– Знаешь... – Сырцов огляделся по сторонам и облизал губы. – Ты только не говори никому. И дурку не вызывай. Я об этом никому – только тебе, потому что ты вроде дело мое расследовала. Но это и правда были не сны, не видения. Я по правде был там.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась Варя.

– Что имею, то и введу, – ухмыльнулся центрфорвард. – Я был там, в пятьдесят шестом году, играл там в футбол, будучи в теле великого футболиста Стрельцова, ел там творог со сметаной, ходил в самоволку, пил коньяк, с девчонками кувыркался. Все это был НЕ сон. Это была явь. Как будто я туда перенесся на машине времени.

– Но как это может быть? – развела руками Варя.

– Я не знаю! Вы следствие, вы наука – вы и разбирайтесь.

– Но тело твое лежало, безвылазно и беспробудно, на спине в госпитале, с трубочками разными питательными, – а сознание что? Само по себе путешествовало?

– Выходит, что так, – хмыкнул Игорек. – Я, во всяком случае, другого объяснения не нахожу.

– А потом с тобой что-то подобное бывало? После того, как ты из комы вышел?

– Никогда, – убежденно проговорил Сырцов. – Теперь я сны вижу, как все нормальные люди. Сны как сны. Все путается, несется, дергается, падает.

– А почему это с тобой случилось? – Варя было интересно послушать версию голеадора. – И почему вдруг кончилось?

– А это Корюкин нахимичил, – без тени колебания назвал футболист фамилию олигарха, который и в самом деле имел отношение к тайне происхождения футболиста. Однако самого Сырцова в эту тайну так и не посвятили, поэтому его догадка была тем более ценна.

– А почему ты эти сны, похожие на реальность, видеть перестал?

– Из комы вышел, – безапелляционно припечатал центрфорвард. – Душа, как говорится, вернулась обратно в тело.

На секунду Варя позавидовала ему: все ясно, понятно и очевидно. Все имеет объяснение, и нет никаких сомнений.

– Теперь ты мне скажи, – в свой черед задал свой вопрос футболист. – Тех бойцов взяли, кто меня покалечил?

Варвара видела по разговору, что мастер ногомяча – парень хоть и молодой, не шибко образованный и не самый воспитанный, но смысленный и с большим природным умом. Если будет работать над собой, учиться и книжки читать, сможет вырасти со временем в хорошего тренера или спортивного деятеля.

– Взяли этих подонков, да и осудили уже. В колонию строгого режима все трое поехали, от девяти до четырнадцати годков.

– Но это не они сами придумали меня отоварить, правильно? Был заказчик?

– Правильно, был заказчик, и ты его знаешь. Беглый олигарх Корюкин.

– А с ним что?

– Пока проживает в городе Нью-Йорке. Одних только показаний разбойников для его экстрадиции маловато будет. Роем, ищем, на чем его еще можно зацепить.

– А у него какой мотив был меня отметить?

– Не знаю. Ты сам вроде мне говорил, что это потому, что ты отказался питерскому «Всполоху» матч сдать.

– Как-то мелко это на самом деле. А может, я думаю – знаешь, на базе и в самолетах много времени бывает думать – может, это он специально меня в кому отправил, чтобы я такой вот трип необычный в прошлое совершил? Типа, он знал, в принципе, что я это могу, вот и отправил?

– Сильная идея, – не шутя, кивнула Кононова. – Вот только зачем олигарху это надо было?

– Ты же сама мне о нем рассказывала: он, типа, из серии «хочу все знать». Неугомонный изобретатель. И половину бабла своего на разные опыты истратил. Вот и со мной тоже.

– Может быть, – вздохнула Варя, – эту версию надо проработать. С этим Корюкиным я ничему не удивлюсь.

– А ты не хочешь со мной опыт провести? – вдруг, чуть глумливо улыбаясь уголками рта, предложил Игорек. Глаз его блеснул совершенно откровенно, похотливо, раздевающе. – Сны, типа, вместе посмотреть?

Кононова в первый момент даже не поняла, а потом покраснелась – проклятое свойство тонкой кожи мгновенно выдавать все мысли!

– Не поняла, – нахмурилась она. – Ты куда это меня сейчас приглашаешь?

– А ко мне в номер подняться, – без обиняков, по-простецки выговорил голеадор. – Сейчас возьмем пару-тройку баттлов «Моета», пойдём ко мне и воспарим. А после мои сны поизучаем.

- Мальчик, - строго сказала Варя, - ты в паспорт свой смотрел? Тебе двадцать-то есть?

- Ну и хорошо, что ты старше! Значит, опытная, гы. Поучишь меня уму-разуму. И еще ты очень красивая, - убежденно бухнул футболист. - Такая мощная и красивая, ух! Сливки с персиком!

«А он поэт», - усмехнулась про себя Кононова, - уподобление сливкам и персику ей понравилось.

- Иди ты в сад! Это раз. А два - я замужем.

- А почему кольца не носишь?

- Не твое щенячье дело.

- А, просто бойфренд. Ну и ничего. Один разок согрешить можно. Больше любить его будешь, - футболист стал буравить ее взглядом, накрыл ее немаленькую кисть своей лапищей, но девушка вырвала. Рывнула:

- В сад - значит, в сад! А то сейчас руку сломаю!

- Можно подумать! - воскликнул гладиатор зеленых полей, однако руку все-таки убрал.

- Нужен быстрый секс - тебя поклонницы ждут. Одна там тебе телефончик оставила.

- Ах да! - воскликнул футболист, будто бы забыл (а может, и впрямь забыл), и полез в карман спортивных штанов за листочком.

Распрощались они с Варей дружески.

Неожиданное и совершенно неприемлемое предложение футболиста, хоть и было постыдным, вдруг подняло ей настроение.

Кононова шла зимними яркими улицами к метро «Китай-город», и в душе у нее все пело: значит, она блеск – молода, красива и желанна, раз юные глупые мальчики на нее с такой силой ведутся! Не все еще, значит, потеряно в ее жизни, и многое еще впереди.

* * *

У «Китай-города» Варя позвонила по своему «левому» мобильнику Петренко.

Кто бы мог подумать, что им придется таиться – не в ходе спецоперации, не от злодеев-ворогов, а от вроде бы своих! И ничего ведь они не замыслили, просто хотела Варя с полковником посоветоваться – по работе. Но – с какой вдруг стати? (Мог бы возникнуть вопрос у тех, кто теперь власть в комиссии взял. Почему это она не непосредственному начальству докладывает, а сотруднику, который до ее дел официально никакого касательства не имеет? Давай, Кононова, пиши рапорт, подавай по команде.) Но шалишь, не готова была Варя вот так, за здорово живешь, от своего старшего товарища отказаться. И перестать бегать к нему советоваться, как заведено было в течение пятнадцати почти лет.

Однако чтобы избежать ревнивого пригляда со стороны нынешних командиров-начальников, требовалась осторожность. Отсюда – звонки по «левым» телефонам и именование в ходе разговора полковника «папой». А Петренко, в свою очередь, во время эфирных бесед ее «дочей» называл. Хоть и стыдновато было – вроде как она родного покойного отца-генерала этим прозвищем предает. Но, с другой стороны, по службе полковник за все эти годы ей помог стольким, что мало кто из сродственников мог бы с ним сравняться.

– Папуля? – спросила она в телефон. – Можем увидаться накоротке? Прямо сейчас?

Они договорились встретиться через час, где всегда – недалеко от места службы, там, где нет поблизости ничьих ушей – в парке Кусково.

Петренко история с понижением в должности сильно подкосила. Явно было видно, как постарел он, поседел, слегка осанку потерял, и походка стала не такой молодцеватой, как у князя Андрея Болконского – скорее слегка согбенная,

шаркающая. Но мину полковник держал, по плечу Варю при встрече похлопал, усмехнулся:

– Ну что, доча? Чего вызывала? Рассказывай!

Они не спеша пошли по заснеженным дорожкам Кускова в глубь парка. Морозным парковым воздухом дышалось легко. За деревьями мелькал лыжник в красном свитере, но вскоре убежал вперед, исчез за кустами и буреломом.

Варвара передала полковнику, не упуская подробностей, только что состоявшийся разговор с Сырцовым.

Петренко теперь возглавлял исследовательский отдел, и знать по службе, что творят оперативники (в лице Варвары), ему не следовало. Но она по старой памяти, привычке и установившемуся доверию все-таки рассказала. В том числе и потому, что, по сложившейся традиции, ждала совета. Но полковник (опять-таки, как было заведено) спросил первый:

– Что сама по этому поводу думаешь?

Что еще хорошо в общении с Петренко было – он, в отличие от нынешнего, весьма строгого и приземленного начальства, принимал любые, даже самые завиральные Варины версии, и полета ее фантазии никогда не ограничивал. Лишь иногда усмехался – достаточно, впрочем, уважительно: «Эк завернула, Варвара!» Поэтому она раскрепощалась, порой воспаряла своими идеями высоко и далеко – и ведь при том, черт возьми, бывало, что права оказывалась!

Вот и сейчас Кононова задумчиво проговорила:

– Такое ощущение, что наш олигарх Корюкин создал нечто вроде машины времени. И на бедном футболисте Сырцове ее испытал. Смотрите: мы доказали в результате опытов с ДНК, что Сырцов на самом деле – не кто иной, как незаконнорожденный, в пробирке оплодотворенный сын великого футболиста прошлого Эдуарда Стрельцова. Но! У исследователей, благодаря деньгам Корюкина, не было никаких ограничений, в том числе моральных. Может, они сумели добиться того, чтобы личность сына могла из нашего времени переноситься в тело отца? Как в фильме и игре «Ассасин Крид»? Но как это может быть, если это не сказка, а реальность, я не могу понять!

- Есть множество вещей, мой друг Горацио, что и не снились здешним мудрецам... Поэтому хорошо бы по этому поводу потрянуть ученых, что над темой работали.

- Среди живых никого не числится. Ни единого.

- Значит, надо потеревить самого олигарха Корюкина.

- Как вы его потеревите, Сергей Александрович? Он в Америке проживает, и гражданство у него не наше, и денег столько, что от любого допроса откупится.

- А ты поразмышляй на тему: как сделать, чтобы у него появилось желание тебе ответить? Поделиться своим знанием со страной, которая его вскормила, вырастила и миллионы заработать попустила?

- Поехать в Нью-Йорк, вколоть ему «сыворотку правды» да допросить.

- Насчет поехать да спросить – наверное, а вот по поводу «сыворотки правды» – сильно сомневаюсь, что начальство твое сей фортель одобрит. Надо найти для него аргументы, чтобы Корюкин сам разговорился, безо всяких химикатов. Впрочем, ты ж, Варвара, понимаешь: я теперь ничего не решаю и никак тебя никуда в командировку отправить не могу. Тем более за кордон. Тем более в Штаты. Береди сама свое нынешнее начальство.

- Но вы думаете – тема того стоит?

- А что еще тогда стоит?! – с неожиданным жаром воскликнул Петренко. – Ты подумай: вековая мечта землян о возможности путешествия во времени – и вот она совсем близко! А мы от нее – что? По своей воле отворачиваться будем? Зачем мы тогда с тобой здесь нужны?

- И правда, Сергей Александрович, – прошептала Варя.

Но Петренко довольно быстро погасил в себе романтический порыв, превратился в более привычного сухого рационалиста, размеренного служаку.

– Только ты, Варвара, своим нынешним начальникам слов этих, насчет путешествий во времени и вековечной мечте землян, ни разу не говори. Не поймут-с. Подумай, под каким соусом пробить тебе командировку в Штаты. Да как от будущей беседы с Корюкиным толк получить.

* * *

Видно было, что Алеше не по себе. Варя его ужином накормила – вернулся он с работы, как водится, поздно, она уже к тому времени поела. Ел Данилов без аппетита, ковырял вилкой. Она даже спросила: «Ты здоров?»

– Как бык, как боров, – прибауткой откликнулся он.

Она не стала выяснять, что с парнем происходит, – наверно, на работе что-то. Но если она не имеет права с ним делиться, что происходит на службе, – значит, и про него не должна расспрашивать. Захочет – сам расскажет. Он-то никакой подпиской не связан.

Но чтобы развлечь любимого, Варя решила поделиться с ним – нет, разумеется, не тайнами, что выяснила днем у Сырцова, не разговором с Петренко и не собственными планами насчет олигарха Корюкина. Кононова о другом разговор завела, о гипотетическом.

– Скажи, – спросила, – а вот ты – если б у тебя машина времени была и ты в прошлое мог полететь – где бы хотел оказаться? И что изменить?

Данилов немедленно и совершенно безапелляционно сказал о том же самом, о чем и она не раз думала – и не только сегодня.

– Я бы сделал так, чтобы никакой революции семнадцатого года в нашей стране не было. Точнее, пусть буржуазная будет, а вот так называемая социалистическая – ни-ни. Столько бед она России нанесла!

– И что же? Ты бы в тысяча девятьсот шестнадцатый отправился и Ленина убил? И рука бы поднялась?

– Ну, во-первых, зачем убивать? Я ведь не террорист какой. Полетел бы в тысяча восемьсот семидесятый – он в этом году, что ли, родился?.. Точнее, в шестьдесят девятый отправился, за девять месяцев до. И напоил его мать – Марию Ильиничну, кажется, Ульянову? – средством противозачаточным.

– Прямым в тысяча восемьсот шестьдесят девятый отправился бы?

– А что? Хороший год. Толстой «Войну и мир» печатает, Достоевский – «Идиота».

– Ты так все помнишь? – удивилась Варя, отчасти искренне, отчасти, чтобы подольститься. Мужчины любят, когда их умом, знаниями и умениями восхищаются, – а ей ничего не стоит.

– Еще бы! Я ведь не зря на журфаке учился – а главное, поступил туда! Опять-таки, тысяча восемьсот шестьдесят девятый – в самом расцвете Гончаров, Лесков, Островский. Есть с кем поговорить. У Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой» выходит... Эх, поехал бы я в Симбирск, напросился в гости к деятелю тогдашнего гороно господину Илье Ульянову и подпоил его женушку противозачаточным. И вуаля!

– Не родился бы Ленин, были бы другие. Троцкий со Сталиным – что, лучше? Такие же упыри и вурдалаки, может, еще и пострашнее.

– Да, Иосифа-душегуба-Виссарионовича я бы безо всякого противозачаточного, своей рукой задушил в колыбели... Но ты права, если историю править, можно с Николая Второго начинать. Человек вроде объективно честный и чистый – а такой нерешительный, слабый, не государственный совсем! Столько горя нашей стране принес! Как он мог попустить революцию, помазанник божий! Да и если дальше копнуть? Александр, я извиняюсь, Третий? Пьяница несчастный. Или даже Второй Александр, освободитель! Тоже непонятно, как эти властители правили и куда Россией рулили. Все клокотало, как котел. Вера Засулич ведь недаром в градоначальника Трепова стреляла. И не зря ее присяжные оправдали. Было за что. И народовольцы!.. Это сейчас модно стало говорить: ах, террористы, нынешним арабам-бомбистам-фанатикам путь указали! А ведь, если разобраться, люди честные были и чистые. И боролись не за власть или за деньги. За Россию и счастье народное – как они его понимали.

– Правильно говоришь, Данилов, – вздохнула Варя. – Непонятно, что делать и с чего начинать... Поэтому я бы, если бы в прошлое попала, просто с мамочкой и с папочкой больше времени провела, поговорила с ними, поласкалась. А там, может быть, от них беду отвела.

– Согласен с тобой. Чего уж на страну замахиваться! Поменять бы и улучшить то, что в себе и в своей семье творилось... А что, – конечно, задал вопрос возлюбленный, – вы там, – под местоимением там Алексей обычно подразумевал место ее основной службы, – путешествия во времени открыли?

– Ах, если бы! – вздохнула она. – Просто спрашиваю.

Алексей

Он опять с криком проснулся среди ночи.

Варю он в этот раз не разбудил. Его девушка спала тихо-тихо, на боку, как школьница, подложив ладошку под голову.

Данилов взял подушку и одеяло и поплелся в гостиную. На душе было мрачно. Сон про Кордубцева воистину казался ему ужасным – хотя ничего, обычно присущего кошмарным сновидениям, в нем не было: ни неведомой угрозы, ни чудищ, ни бегства неизвестно от кого. Однако такой жутью веяло от этой фигуры в захваченном административном здании, от его чрезмерно красивого лица, от его предложения действовать вместе и разделить весь мир!

Сна не было ни в одном глазу. Он швырнул подушку и одеяло на кожаный генеральский диван – признаться, уже старенький и сильно изношенный – и поплелся на кухню: пить чай, пялиться в телевизор и пытаться изгнать из себя демонов, успокоиться.

Но потом подумал: это не просто кошмар, какие снятся многим. Большинству. Он ведь все-таки был необычным человеком.

В чем-то очень странным и, возможно, избранным.

И, может быть, его сновидение – своего рода предупреждение. Пророчество. Сигнал из будущего. Или, возможно, альтернативного будущего. И кто-то или что-то – какая-то высшая, разумная, благая сила – хочет предотвратить то, что может произойти. И его – его, Данилова – выбрала для этого своим орудием.

И то, что НЕ случилось, но может случиться, нечто явно неприятное и тяжелое – для всех, для людей, для россиян – что может произойти через шестнадцать лет, в две тысячи тридцать третьем году – возможно переменить? И он, Данилов, способен это сделать?

Эта мысль прозвучала в его голове не просто соблазнительно. Она внезапно успокоила, умиротворила. Она выглядела как ответ. Больше того, как единственно возможный ответ. Как отгадка в сложной и запутанной задаче.

Данилов налил себе чаю и вернулся назад в гостиную. Включил свой ноутбук, присел за журнальный столик.

Он хорошо помнил, как звали того жутковатого красавца из сна. Его имя несколько раз произносили в ходе трансляции по радио, его обсуждали, о нем шептались, это имя скандировали в толпе, осаждавшей административное здание в Мытищах.

Фамилия довольно редкая. В сочетании с именем – редкая весьма. А если знать, сколько примерно человеку лет, то и вовсе может быть единичный экземпляр.

Действие в даниловском сне происходило, он совершенно точно знал и помнил, в две тысячи тридцать третьем году. Жуткому человеку, предлагавшему ему разделить власть над миром, на вид было около тридцати. Значит, сейчас, в две тысячи семнадцатом, ему должно быть лет пятнадцать-двадцать. При условии, конечно, что этот человек существует.

Если он не порождение даниловского сна, болезненного выплеска подсознания.

Самые лучшие методы поиска – самые простые. Этому Данилова и Варя учила – в самых общих чертах, не выдавая военные и профессиональные тайны.

Поэтому Алексей, не мудрствуя лукаво, набрал в поисковике фамилию-имя: Елисей Кордубцев. И через пару секунд всезнайка Интернет выплюнул ему ответ. Одно-единственное совпадение в поиске. Имеются профили в Фейсбуке, ВКонтакте, в «Одноклассниках» и даже в Линкедин. Но человек – один, Елисей Вячеславович Кордубцев, 1998 года рождения.

Затаив дыхание, Данилов открыл фотографию.

Никаких сомнений: на него смотрел, правда, лет на пятнадцать моложе, тот самый человек, что предлагал разделить владычество над миром – в том самом кабинете, на верхнем этаже административного здания в Мытищах. Юный, красивый, как херувим, с теми же чуть длинноватыми вьющимися белыми волосами, длинными ресницами и ослепительно-голубыми жесткими глазами.

Елисей Кордубцев.

Данилов встал, взволнованно походил по комнате. Часы показывали половину пятого утра.

Все глухо было в доме и на улице – лишь отдаленный, сильно приглушенный снегом немолчный городской гул. Но если выглянуть за тюлевые занавеси во двор – ни человек не пройдет, ни машина не проедет. Лишь дремлют в свете фонарей присыпанные поземкой автомобильчики.

И почему-то стало казаться Данилову, что он знает, что надо делать. И когда он понял это, сразу какое-то облегчение наступило. Да, поступить так будет самым правильным. Больше того, единственно правильным. И сразу как камень с души упал. И сразу в сон неудержимо стало клонить.

Алексей улегся на диван, некогда принадлежавший тестю-генералу – точнее, Варинному отцу, так и не ставшему его тестем и не увидевшему, кого выбрала дочка.

Прикрылся одеялом и немедленно заснул – но перед этим поставил будильник на телефоне на шесть тридцать утра. Почему-то ему казалось, что разговор, который ему предстоит, не терпит отлагательств.

Варя

В ту ночь Данилов ей не мешал, и она в кои-то веки выспалась. Даже проснулась за пару минут до будильника. Бодрая, деятельная и готовая к жизни и приключениям – что необычно было для столь раннего времени суток, начала зимы и темноты за окнами.

А может, свежа и энергична Варя была оттого, что дело – настоящее дело, а не мелочовка, которое ей наконец впервые за последние три года поручили и которое она вынырнула, выпестовала и пробилла – это дело стало раскручиваться и сулило в ближайшем будущем нечто новое, волнующее и опасное? По меньшей мере, дальнюю поездку. И работу под прикрытием. И попытку вербовки.

Когда Кононова встретила с футболистом Сырцовым, а потом обсудила беседу со своим наставником и старшим другом Петренко, она тут же написала рапорт на имя самого начальника комиссии полковника Марголина (Козла Винторогого). Она подробно изложила все, что поведал ей футболист, а также собственные по этому поводу соображения.

Петренко уже не мог и не должен был, как в прежние времена, корректировать ее рапорт, поэтому она до изнеможения билась над формулировками. Нужно было, чтобы прозвучало уверенно, но не залихватски, взвешенно, но возбуждающе – короче, требовалось, чтобы руководители дали делу ход и при этом не отставили Варю в сторонку, как однажды себя скомпрометировавшую и недостаточно надежную.

Имелось даже искушение показать черновик Данилову – признанному стилисту, все-таки журфак за плечами, да и писательский опыт в бэкграунде – и попросить отредактировать[6 - Подробнее о юности Алексея Данилова и его самой первой встрече с Варей Кононовой читайте в романе Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят»]. Но сие, конечно, было абсолютно невозможно, потому что все, чем занималась по службе Варвара и что она писала, имело гриф «Совершенно секретно – особой важности».

Но в итоге собственным рапортом Кононова оказалась удовлетворена. Удалось ей проскользнуть между Харибдой несерьезности и Сциллой скукотищи, получилось заинтересовать делом вышестоящее начальство.

Ее даже вызвал вскоре сам новый руководитель комиссии Марголин и велел изложить дело устно. Спрашивал прямо в лоб, без обиняков – так что попотеть, отвечая, пришлось.

– Вы утверждаете, что в ходе своих опытов, оплаченных олигархом Корюкиным, российским ученым удалось создать нечто вроде, кгхм, машины времени?

– Так точно.

– И как это, по-вашему, работает?

– Это можно описать лишь в общих чертах – на примере случая с футболистом Сырцовым. В результате незаконных опытов группе ученых удалось в конце девяностых годов преступным путем добыть ДНК великого советского нападающего Эдуарда Стрельцова и оплодотворить им яйцеклетку современной женщины. Опыт увенчался успехом, на свет появился здоровый мальчик. В результате Сырцова можно считать незаконнорожденным сыном Стрельцова. Той же группой специалистов ему были созданы все условия для занятия футболом – и талант Сырцова действительно заблистал, в восемнадцать лет он стал лидером московского «Гладиатора» и сборной страны. Но мое внимание привлекло следующее: после того как Сырцова избили на московской улице и он оказался в коме, он, с его собственных слов, будто бы перевоплотился в своего отца – Стрельцова – и перенесся в тысяча девятьсот пятьдесят шестой год. Сырцов утверждает, что явившиеся ему видения в высшей степени реалистичны. Они последовательны, логичны, полны красок, запахов, звуков. Сырцов утверждает, что провел в шкуре футболиста Стрельцова достаточно продолжительное время – больше года. И вернулся в действительность лишь тогда, когда вышел из комы.

– Звучит чрезвычайно фантастично, – скептически заметил полковник.

– Я знаю, но почему бы не попытаться проверить?

– Есть еще хоть что-то, что может подтвердить вашу гипотезу?

– Сны экстрасенса Данилова во времена работы над делом «Аватар судьбы» – о них я докладывала.

– Вашего, кгхм, бойфренда?

– Точно так. Данилов является признанным экстрасенсом, и порой он видит что-то вроде вещих снов. При этом он как бы вселяется в тело своих ближайших родственников по мужской линии. Если речь идет о прошлом – в тело своего отца. Если о будущем – в тело собственного сына.

– Вашего с ним сына?.. Не краснейте, не краснейте – умение легко краснеть подходит нежной деве, но никак не военному служащему и оперативному работнику... Да, все это, конечно, выглядит высосанным из пальца. Или написанным вилами по воде... Вас, конечно, Петренко настропалил этим делом заняться? Не возражайте, капитан, не возражайте. Будто бы я не знаю, что вы с ним встречаетесь и, вопреки уставу, консультируетесь... Ладно. А кто еще, кроме олигарха Корюкина, замешан в этом деле? Вот вы все говорите да пишете: «Российские ученые проводили незаконные, преступные опыты». Что за ученые? Имена, фамилии, пароли, явки?

– Во время работы над делом Сырцова мы их установили. Но выяснилось, что никого из той группы ученых больше нет в живых. Все погибли в начале двухтысячных в результате странных несчастных случаев: автокатастрофы, самоубийства, утопления, отравления... Жива только секретарша группы Галина Яковлевна Бочарова – она проживает в США, в городе Рино, штат Невада. Я допрашивала ее в связи с делом Сырцова – но она мало к чему была допущена и мало что могла показать – за исключением того, что опыты в данном направлении, в принципе, велись. И, конечно, я уверена, что в курсе дел олигарх Корюкин. Мало того, он, возможно, и технологией перемещения во времени нынче обладает.

– Догадки, догадки... А что с Корюкиным?

– Он постоянно проживает за границей, имеет гражданство США.

– Что-то на него есть? Сможем мы прижать Корюкина так, чтобы он разговорился? А еще лучше – своими секретами поделился?

– Вот я и предлагаю... – И Варя изложила начальнику свой план.

Тот выслушал ее, не перебивая.

Но не перебить по нынешним временам – не шутка. И совсем другое – взять план за основу. Утвердить. И, что совсем Варя в первый момент показалось невероятным, – назначить ее самым ответственным исполнителем плана.

Ее сделали исполнителем отчасти потому – как без обиняков заявил полковник, – что Кононова должна реабилитироваться за свое злостное нарушение приказов в ходе «Аватара судьбы». Следовательно, чтобы вернуть доверие, она должна, по его выражению, носом рыть землю. А второе – особый режим секретности, в котором существовала комиссия, просто не позволял привлечь к делу никого постороннего.

Короче говоря, сразу после Нового года до Кононовой довели, что она должна готовиться к командировке в США. И завертелась бюрократическо-туристическая карусель: анкета, бронь гостиницы, собеседование, виза...

Следует отметить, что место службы Вари являлось легендированным. Иными словами, ни в каких бумагах не значилось, что она является сотрудницей некой спецслужбы. Напротив, числилась Кононова в скромной фирме «Ритм-21», где выступала заместителем генерального директора. И компания эта существовала в действительности, выдавала на-гора продукцию: программное обеспечение для автоматизированных систем в электроэнергетике. И Варя в фирме не только числилась, но и самым реальным образом работала. Писала программы, тестировала их, отлаживала. Была на хорошем счету, получала зарплату – значительно более высокую, кстати, чем денежное довольствие в комиссии. Другое дело, что трудилась она на удаленке. В офисе появлялась от силы два-три раза в месяц – на важных совещаниях или договоры-документы подписать. Даже корпоративами манкировала – объясняла, что у нее бойфренд ревнивый (что даже было наполовину правдой: бойфренд Данилов имелся, но был – к сожалению или к счастью – совершенно не ревнивым). Конечно, и впахивать приходилось в итоге, в буквальном смысле, за двоих. Спасала только с университетской скамьи воспитанная самодисциплина плюс исключительный талант (что уж там скромничать и греха таить!) по части логики, математики, программирования.

Короче говоря, никаких проблем с американской визой у Вари не предвиделось. Однажды она двухгодичную себе уже делала. Дважды съездила: один раз с Даниловым чисто в отпуск, когда еще курс доллара позволял, другой раз – по

работе, в город Рино, штат Невада, свидетельницу по делу Сырцова допрашивать. И причин, почему девушке сейчас откажут в туристической, вроде не наблюдалось.

Другое дело, что в Америке ей придется действовать совершенно одной, без связи, подстраховки и прикрытия. Это, конечно, напрягало – но и наполняло кровь адреналином, восхитительным предощущением борьбы, сшибки, рубки. Практически – один на один (если не считать наверняка окружавших олигарха телохранителей).

И вот именно в таком состоянии (о чем он, разумеется, не ведал) застал любимую в шесть часов сорок минут утра в ее постели Алексей Данилов.

* * *

– Боже мой! Данилов! Кофе в постель! Как это мило!

– Вуаля и силь ву пле, мадмуазель.

– И как раз такой, как я люблю! По-турецки! В джезве! Ты просто восхитителен. Или ты провинился в чем? Налево успел сбегать, пока я тут сплю?

– Никак нет, моя госпожа.

– Или, может, хочешь, м-мур, попросить об чем?

– Попросить – это я всегда. Но если честно, разговор есть.

Варя сделала предостерегающий жест – дескать, возможно, и стены имеют уши. Кто его знает, в комиссии ведь особый отдел имеется. Запросто могут особисты профилактически ее писать. А тут мало того что она устав нарушает – открыто живет с объектом разработки, да еще и болтает с ним о службе напропалую.

– Да не, разговор несерьезный. О снах.

– О снах?! – не удержалась от удивленного возгласа Варвара.

– Да. Является тут мне которую ночь подряд удивительное сновидение...

И пока Варя прихлебывала кофе да сок, апельсиновый свежавыжатый (лично рукой Данилова), он ей подробно и в красках начал рассказывать о мучивших его кошмарах. И получалось, что она знала, да молчала, что ей его сон интересен и важен по службе – и он знал, что его видения ей нужны, да тоже молчал об этом. А пока он излагал: будущее, две тысячи тридцать третий, резкое удешевление нефти, всеобщая бедность и невесть откуда вынырнувший красавчик – всеобщий любимчик, отвратительный господин Елисей Кордубцев.

А когда рассказ и завтрак подошли к концу, ни о каком м-мур и речи не могло быть – история Варю чрезвычайно завела. В том смысле, что показалась ей очень и очень важной. Прямо-таки важней всего: и текущих дел, и олигарха Корюкина, и предстоящей командировки.

– Я тебя по пути подброшу? – спросил напоследок возлюбленный.

– Я на метро.

– Провожу тогда до «Новослободской».

Это означало, что Данилов хочет еще о чем-то поговорить – но вне домашних стен. О чем-то, стало быть, что точно не предназначается ни для чьей записи. Ведь то, что он рассказал ей в квартире, – просто сон. Мало ли кому что снится! Но его мысли вокруг этого сна, его анализ – этого уже никаким особистам знать не надобно.

– Буду только рада.

И Варя побежала в душ – хоть весь мир может рушиться, но воинскую дисциплину, будь она неладна, в комиссии никто не отменял.

Когда они вышли, уже совсем рассвело, и бодрые и невыспавшиеся люди неслись по тротуарам в сторону метро – впрочем, имелось и обратное движение: в институты и офисы, что располагались тут, в районе Новослободской улицы. Варя взяла Алексея под руку. Со стороны они представляли собой прекрасное зрелище: примерно одинакового роста, стильно одетые, красивые. Вот только

чрезвычайно озабоченное выражение застыло на лицах обоих – впрочем, подобное для многих москвичей характерно, и совсем не обязательно, что им приходится, в самом буквальном смысле, как Кононовой и Данилову, мир спасать.

Убедившись, что его никто не слушает, Алексей высказался, причем довольно горячо – Варя его таким давно не видела:

– Ты знаешь, у меня есть глубокое убеждение, что вот эта история из моего сна – она как раз для вас. А для чего еще существует ваша комиссия? – Тут Варя нервно оглянулась, но нет, никто не мог слышать их диалога. – Для чего с хрущевских времен ваша комиссия ест деньги налогоплательщиков, если не для таких okazji? Я, как ты знаешь, спецслужбы, оптом и в розницу, не люблю – за исключением отдельных прекрасных представителей в твоём лице. Но в данном случае без зазрения совести о сновидении своём тебе доложил и, типа того, Кордубцева сдал. Потому что я понимаю: может, фабула или сюжет этого сна тебе не доказали, но ощущение моё не врет: он, этот человек (или НЕ человек?), очень, очень и ОЧЕНЬ опасен. Ты у нас, конечно, атеист и агностик – поэтому предлагаю тебе найти любое подходящее ситуации реалистическое и материалистическое объяснение. Я же, как старый мистик и метафизик, скажу тебе, что более всего этот персонаж похож на того самого лжепророка, что явится к нам в преддверии апокалипсиса. Я не знаю, можно ли этот самый апокалипсис остановить, и в наших ли это силах, но Кордубцева этого остановить надо. Причем не дожидаясь тридцать третьего года, когда он будет окружен клеветами и войсками, а желательно сейчас, пока он не набрал ещё свою силу.

– Я тебя услышала.

– Фу, ненавижу эту формулировку! Звучит как пошел ты вон со своими предложениями!

– Нет-нет-нет, Алешенька! Ни в коем случае не так! Ты совершенно прав: все, что ты рассказал, чрезвычайно важно! И я даже размышлять и медлить не буду, и советоваться ни с кем не стану. Сегодня же доложу обо всем руководству. Но только ты – ты, пожалуйста, забудь и о том, что мне рассказывал, и о нашем разговоре. И мы с тобой тоже эту тему больше поднимать не станем.

– Ага, хорошо бы забыть, – проворчал Алексей, – если только эта история меня самого больше мучить не будет.

– Хочешь, я тебя вечером убаюкаю? – промурлыкала девушка. – Так, что ты будешь спать безо всяких сновидений?

Приступы нежности у столь большой и спортивной девушки, как Варя, случались довольно редко, но выглядели настолько многообещающими, что Данилов тут же схватил ее за бедро и полушутя повлек обратно: «А ну пошли домой, кокетка!» Кононова вскричала: «Но-но!», вырвалась и обозначила на руку возлюбленного болевой прием. А потом, наоборот, прильнула к нему и прошептала:

– Извини, я не могу, служба, но вечером я тебе обещаю, только приходи пораньше.

У метро они распрощались, и Данилов побрел обратно домой. Первый прием у него сегодня в час дня, и еще есть время, чтобы поразмыслить. Варя Варей, ее дела – это ее дела. Но ему и самому не мешает понять, что и почему происходит с ним и что ему делать дальше.

* * *

В тот же день на службе Варя написала подробный рапорт. Лично отнесла его начальнику комиссии. Тот кивнул: «Оставь, прочту». Обычно мог пройти день или два, а то и месяц, прежде чем полковник Марголин откликнется на инициативы Кононовой. Но тут минуло пару часов, и он ее вызвал – что означало, что в комиссии ее сигнал восприняли именно так, как хотел Данилов: очень и даже ОЧЕНЬ серьезно.

Что это означало? Скорее всего, имелись другие источники, подтверждавшие всю опасность ситуации – какие, можно было не спрашивать, секретность здесь царила такая, что все равно никто ничего не скажет.

Марголин был лапидарен. Даже не пригласив Варю присесть, бросил:

– Готовьте план активных мероприятий по Кордубцеву, срочно.

Разумеется, ей не надо было переспрашивать, а что с Америкой и с подготовкой к командировке – и без того ясно, что от прочих обязанностей Кононову никто не освобождает.

* * *

Варя не любила участковых. Не потому, разумеется, что нарушала порядок или правила человеческого общежития. Повелась неприязнь с тех пор, как у нее во время одного расследования случился с участковым роман[7 - История знакомства Вари и участкового Бориса разворачивалась одновременно с делом, что вела Кононова в детективном рассказе Анны и Сергея Литвиновых «Ремейк Нового года»]. Было это давно, когда те еще не полицейскими, а милиционерами звались. Задолго до Данилова. Вернее, знакомы-то они в ту пору с Алешей уже были, но она воспринимала его тогда только в роли объекта для разработки и ни о каком романе с ним помыслить не могла. А участковый Борис Федосов очаровал ее, помнится, своей статью, вел себя уверенно, на редкость нахраписто – она и уступила. И только потом оказалось, что Боря – это огромный букет проблем. Ревнивый, пьющий, недалекий самодур. Чрезвычайно долго пришлось его от себя отваживать, даже телефон сменить. Ф-фу, аж вспоминать противно!

Однако участковый майор Галимулин решительно не походил на героя ее романа. Впрочем, трудно было представить, чтобы он вообще являлся героем чьего бы то ни было романа: маленький, толстенький, лысенький, красненький, с крохотными хитренькими глазками. Очень вежливый, пронырливый и себе на уме. И всячески старавшийся Варваре услужить. Кличка ему (по методе Петренко) явилась тут же, сама собой: Самоварчик.

Опорный пункт находился ровно в том самом доме, где проживал девятнадцатилетний студент Елисей Кордубцев. А проживал он в том самом подмосковном городе Мытищи, который фигурировал во сне Алексея. Прописан был в квартире, которой владел единолично, на правах собственника – на проспекте, изящно названном Новомытищинским, в длинном, скучном двенадцатиподъездном доме брежневских времен. Некогда светлая веселенькая панельная девятиэтажка теперь поблекла и загрязнилась, выглядела усталой и обветшавшей – как и большинство коренных жильцов, которые лет сорок назад, радостные и юные, получали здесь новые квартиры от своего секретного завода.

Участковый Галимулин своего подопечного Кордубцева знал. Никаких проблем по службе тот ему не доставлял.

- Он что, один в квартире проживает?

- Так точно.

- А родители?

- Пропали без вести. Признаны умершими. Его опекунами стали бабка с дедом. Но потом в автокатастрофе погибли и они. Кстати, бабка и дед с другой стороны тоже умерли неестественной смертью - их молнией убило.

Варя вздрогнула и чуть не воскликнула вслух: «И как это может быть, что парень раньше в разработку комиссии не попал?!» Но, конечно, сдержалась. Ни о какой комиссии никакой участковый, разумеется, ведать не должен. Работала Варя под прикрытием - представилась капитаном тайной полиции. Свой интерес к молодому человеку объяснила незатейливо: возможны контакты с террористическим подпольем, странный интерес к парню вербовщицы из ИГИЛа[8 - Запрещенная в России террористическая организация.] проявляют.

Вместо своего риторического возгласа - почему же столь странные дела, творившиеся вокруг Елисея Кордубцева, раньше до сведения комиссии не доходили? - Варя задала участковому другой:

- Значит, никого из его родных в живых не осталось?!

- Почему? - Галимулин явно гордился своей осведомленностью. - Имеется двоюродная бабушка. Иными словами, сестра его покойного деда. Зовут Мария Петровна Суконцева, в девичестве Кордубцева. Проживает на моем же участке, правда, домовладение другое. Вдова. Супруг лет семь назад скончался. Кажется, от инсульта.

- Возраст ее какой? Род занятий?

- Пенсионерка. Медсестра в прошлом. Правда, подрабатывает. В церкви нашей в свечной лавке торгует. А возраст... - Участковый достал разграфленную тетрадь,

полистал. – Одна тысяча девятьсот тридцать пятого года она. Стало быть, восемьдесят два ей.

– Пошли к ней. Познакомите меня. А представлюсь я ей сама. Допустим, я сотрудник страховой конторы. Вы мне подыграете.

– Конечно, конечно, – подобострастно склонил голову майор.

Он закрыл опорный пункт, и они отправились. Снегу в ту зиму навалило предостаточно, да и морозно было. Варя пару раз поскользнулась, но Галимулин не помог ей, под руку не взял – опасался, девушка на полголовы выше него, да и должность ее значилась куда престижней: столичный главк тайной полиции – это вам не подмосковный участковый.

Впрочем, взамен физической помощи коллега стал разливаться соловьем – осведомленность свою демонстрировал. Даже задыхаться при ходьбе начал, тяжело столь полному, маленькому телу торопиться по скользкости и одновременно докладывать. Да еще знаки почтения даме выказывать – полной ручкой делать: прошу вас сюда, прошу туда, да вперед ее пропускать.

Из рассказа майора выходило следующее.

Елисей Кордубцев принадлежал не к первому и даже не ко второму поколению тутошних обитателей – к третьему. Родился он в 1998 году в семье тех, кто сам, в свою очередь, в этом доме вырос. И мамаша его, Елена Кордубцева, в девичестве Чигарева, 1972 года рождения, и папаша, Вячеслав Кордубцев, рожденный в 1970 году, во дворе этого дома играли. Сначала – в песочнице и на детской площадке, а затем плавно переместились на площадку игровую. Ходили в один и тот же детский сад, затем в одну и ту же школу, где учились, как положено по метрике, с разницей в два класса. Они росли, выросли, наливались соком – в то время как шла перестройка, последние годы доживал Советский Союз. Кто знает, как и когда первый раз Слава Кордубцев проявил интерес к Лене Чигаревой? Их уже о том не спросишь, некого спрашивать. Может, в темном переулке (а в конце восьмидесятых все переулки в стране были темными) Кордубцев спас Чигареву от воров или насильников? Или лихо подскочил на коньках на катке в близлежащем Мытищинском парке культуры? Или она проявила инициативу и первой подошла к нему и попросила сигаретку (а в перестройку все напропалую подростки дымили)? Гуляли ли они вместе?

Подолгу ли простаивали вдвоем на лестничной площадке того самого дома (где теперь обретался их взрослый сын и где они некогда проживали оба подростками)? Просиживали в обнимку на детской площадке? Пили ли из горла портвейн «Три топора» или, напротив, вели аскетичный образ жизни? Никто уже об этом не расскажет – потому что самих родителей Кордубцевых нет уже на свете, а участковый лирических моментов из жизни семьи ей не поведал, ограничился сухими данными.

Когда Вячеслав Кордубцев закончил школу, в институт поступать не стал, загремел в армию – да по странной прихоти местного военкома (где Мытищи, а где океаны) попал в военно-морской флот. Служил потому три года, да на Тихоокеанском флоте, всего один раз был отпущен в отпуск – зато не попал ни в какие горячие точки тех времен, где усмирять окраины приходилось армейским подразделениям – в Баку, Тбилиси или Карабахе. Как ни странно, все эти три года – да какие бедовые, в стране шуровала перестройка, ниспровергались авторитеты и наживались первые состояния – Елена Чигарева своего Славу ждала. Она закончила школу, поступила в мединститут, и когда Вячеслав Кордубцев, старшина второй статьи, дембельнулся, встретила его второкурсницей. А тут случился августовский путч, Советский Союз благополучно развалился, и на его обломках начал лихо строиться капитализм. А Слава Кордубцев и Лена Чигарева поженились.

На этом месте Варя с участковым дошли. Время было позднее, но приличное – около девяти. Вряд ли Мария Петровна в лавке свечной торгует или по своим делам пенсионерским (поликлиника, собес, магазин) бегаёт. Скорей всего, дома сидит, телевизор смотрит.

Так оно и вышло. Майор позвонил. (Был он в форме, в шинели, в лихой фуражке.)

– Кто здесь? – раздалось из-за двери.

– Мария Петровна, откройте. Это я, ваш участковый, Олег Хусаинович – да мы знакомы с вами.

Дверь после настороженного рассматривания в глазок отворилась. На пороге стояла сухонькая старушка в душегрейке и шерстяных носочках. На щеке у нее красовалась изрядная бородавка, из которой торчали два седых волоска. Левый глаз так сильно косил, что было даже неловко глядеть в лицо. И прозвище ей

явилось тут же, само собой: Леди Косоглазка.

– Вот, гостью вам привел, Мария Петровна. Кто да что – она вам сама представится.

– Мария Петровна, – задушевно сказала Варя, – меня зовут Варвара Конева (она использовала свой оперативный псевдоним), и я работаю в страховой компании «Главная крепость». Оказывается, ваш родной брат, Семен Петрович Кордубцев, и его жена, Кордубцева Людмила Ивановна, были застрахованы у нас на весьма впечатляющую сумму в пользу своего родного внука, Елисея Кордубцева. Знаете такого?

– Знаю, чего ж.

– И прекрасно. Поэтому, это процедура такая, надо мне задать вам два-три вопроса по поводу Елисея и обстоятельств гибели Семена Петровича и Людмилы Ивановны. Можно мне пройти?

– Чего ж, раздевайтесь.

Ледок, с которым хозяйка встретила незваных гостей, потихоньку растапливался.

– Ну, я вас познакомил, теперь откланяюсь. Я вам больше не нужен? – обратился майор к Варваре.

– Огромное вам спасибо, Олег Хусаинович.

Когда хозяйка затворила за участковым дверь, Варя включила природное обаяние на «очень сильно». Да ведь и учили ее, как вызывать доверие и располагать к себе людей. В итоге пятнадцать минут спустя они уже задушевно сидели на тесной шестиметровой кухоньке единственной оставшейся в живых представительницы династии Кордубцевых (если не считать самого Елисея). Мария Петровна поила девушку чаем, потчевала зефиром и демонстрировала семейный альбом столь гигантских размеров, что он больше походил на могильную плиту.

Вот, к примеру, свадебная фотография родителей Елисея – Вячеслава и Елены Кордубцевой – цветная, образца девяносто второго года. У него – двубортный пиджак и галстук с красными переливами, у нее – платье с воланами, а прическа и макияж – точь-в-точь Сара Коннор из «Терминатора». Красивая пара. И он хорош, и она. И оба – да, похожи на Елисея (естественно, Варя изучила все доступные фотографии юноши). Понятно, от кого он взялся такой хорошенький, ангелоподобный.

– Как молодая семья устроилась?

– Они у нее, у Ленки, стали жить. У ее родителей, точнее. В ихнем доме, где выросли все. Где сейчас Елисейка живет. Там же, в десятом микрорайоне. В двушке.

– Не тесно им было?

– Да ладили, конечно, две семьи не так, чтоб очень. Не то чтоб там скандалы или, упаси бог, драки. Но напряженка чувствовалась. Но старшие, Чигаревы, отец Ленкин да мать, они ведь, слава богу, огородниками были. Все на своей фазенде пропадали, как тогда стали говорить. Работы в начале девяностых мало было, завод их стоял практически – так старшие как в деревню в конце апреля заедут, так в конце октября вернутся. Картошку когда выкопают, тогда возвращаются. Молодые, Славка с Ленкой, им, конечно, на выходных помогали. Мотались туда, на фазенду, на электричке. А в будни зато квартира оказывалась в полном их распоряжении.

Была показана еще одна фотка из серии тех, что делали первыми «кодаковскими» цветными мыльницами – стало быть, из середины девяностых годов. На ней изображены были четверо: уже знакомые Варе по фото молодые красивые родители Елисея Вячеслав и Елена Кордубцевы. И еще одна пара, постарше, лет около пятидесяти: расплывшаяся женщина и довольно бравый седой мужчина. Все четверо позировали на фоне дощатой веранды и веселого палисадника с настурциями и флоксами.

– Это мать Елены, – ткнула в полную женщину хозяйка, – стало быть, бабушка Елисея с той стороны. Вера Павловна Чигарева, тоже покойница. А это мужик ее, Александр Леонидович. Елисея родной дед.

– Смотрите, поженились Вячеслав с Еленой в девяносто втором, да? А Елисей только в девяносто восьмом родился. Что так с наследником тянули? – участливо спросила тетушку Варвара. – Может, болел из молодых кто?

Тетка посуровела:

– Точно я ничего не знаю, а болтать, бабьи сплетни повторять, не хочу. Какая разница, кто виноват был, – он, она? Лечились, говорят. Лечились оба. Вот и вылечились ведь. Добились своего. Ленка – врач все-таки. Елисейка у них таки родился.

– Так, может, он приемный?

– Нет, – отрезала тетушка категорически, – ни в коем случае. Вы только посмотрите на фотографии: Елисейка что с Ленкой, что со Славой – одно лицо.

Она стала демонстрировать разнообразные снимки Вариного объекта. Фоток было много. Наступали двухтысячные; фотографические мыльницы, пленки и печать стали стоить копейки, все щелкали направо и налево. Елисей предстал перед ней сначала румяным бутузом, потом малышом, стоящим за перилами кровати, затем пацанчиком на пластмассовом автомобильчике. Везде выделялись волосики – белые, рассыпчатые, завивающиеся и чуть более длинные, чем принято стричь детей. Обращали на себя внимание и правильные черты лица мальчика, делавшие его похожим на херувима, и синие-синие глаза. Вот только взгляд их был чрезмерно строгим, суровым, мрачным.

Варвара глянула и снова не могла не признать, что ребенок и впрямь похож и на мамашу, Елену Кордубцеву, и на папашу, Кордубцева Вячеслава. Да он и на бабушку с дедушкой, Чигаревых-старших, чем-то походил. «А жаль, – промелькнуло, – что он не приемный. Это многое бы объяснило. Хотя что, собственно, объяснило? Что Елисей – результат генетических опытов? Как Сырцов, отданный на усыновление? А что, по времени совпадает. Но хоть и совпадает по времени – что теперь, всех младенцев, в девяносто восьмом или девяносто девятом году рожденных, считать результатами экспериментов? Эх, жаль, нельзя провести генетическую экспертизу. Нету больше на земле ни Елены Кордубцевой, ни Вячеслава. И тел их нету. Хотя вот – двоюродная бабушка, тоже родственница.

Да, надо бы исхитриться взять у Елисея пробу ДНК.

Эх, я балда! Может, не так все сложно? Если заниматься данной темой (вот только нужно ли?), достаточно поднять архив загса, записи о регистрации новорожденных, там указывается, в каком роддоме младенец родился. Потом, если что, и в родилку съездить – наверное, еще даже врачи работают, которые Елисея принимали».

Итак, Елисей появился на свет в январе девяносто восьмого года (продолжала хозяйка). Принесли его в квартиру Чигаревых на Новомытищинском, где стало их уже пятеро. К тому времени начало складываться (по словам тетки) у молодых с работой. Елена, мать, свой медицинский закончила, оттрубила интерном и сумела устроиться в частную клинику в центре Москвы. Каждое утро – автобус, станция Тайнинская, электричка в шесть пятнадцать... Вячеслава, отца, бывшего бравого моряка, тоже стали укатывать крутые горки капитализма. Учиться он не пошел, поступил на частную мебельную фабрику. Но хватка и голова на плечах имелись – как-то быстро он вырос в мастера, потом дорос до начальника производства, а потом даже до замдиректора. Кордубцевы-младшие, Вячеслав с Еленой, иномарку подержанную купили, стали на собственную квартиру копить.

Хозяйка все рассказывала сама, безо всяких просьб и понуканий с Вариной стороны. Вот только на косящий глаз ее Кононова старалась не смотреть.

А тут вдруг ударил кризис девяносто восьмого года (продолжала Мария Петровна). Все сбережения Кордубцевых – а они, дурачки, в «деревянных» (как тогда говорили) копили да в облигациях – лопнули. Болеть, правда, народ стал не меньше, если не больше – пациентов в клинике у Елены («Ленки», как все время называла ее хозяйка) не убавилось. А вот мебель покупать перестали, фабрика Вячеслава развалилась, его уволили. Стал он с маленьким Елисеем сидеть – Ленке пришлось из декрета раньше времени на работу выйти, молоко она сцеживала, в холодильник ставила, и каждое утро – вперед, на Тайнинскую к шести пятнадцати.

Тут и скандалы в семье начались. Еще бы: старшие Чигаревы, тесть и теща, трудятся в поте лица. (Оба подработку себе нашли.) Ленка, жена, тоже, а зятек, типа, баклуши обивает, груши околачивает, дома сидит! А то, что зятек с младенцем годовалым нянчится и работа эта, да для мужика, потяжелей будет, чем шпалы таскать или плитами ДСП ворочать, – это ничего? Короче,

настропалили, накрутили Ленку родные папаша с мамашей, начались у них со Славочкой скандалы, и в один «прекрасный» день он не выдержал, да и свалил из жениной семейки. Тем более что и уходить далеко не пришлось – в соседний подъезд. К маме, Вере Кордубцевой, и отцу, Семену.

А там, развязав свои руки от младенца, Слава заново решил свою судьбу устроить...

«Следует учитывать, – подумала тут Варя, – что голос крови сильно влияет на отношение. И тетка-рассказчица – она Славы родственница, а не Елены. Слава ей все-таки родной племянник, а Елена – никто. Поэтому о ней, мамаше-«Ленке», рассказывает со сдержанным сарказмом, а то и недоброжелательно, а о Вячеславе – с явной симпатией. Да, всегда надо делать поправку на личные пристрастия».

– А Славка, – продолжала повествование Мария Петровна, – море всегда любил – еще со времени службы влюбился в него, и сколько раз, не упомнить, с восторгом мне о нем говорил. Всегда такой сдержанный, даже суховатый – а как про океаны разговор заходит, прямо как поэт становится. «Придается все, лишь тебе не дано примелькаться...»[9 - Стихи Б. Пастернака.] В общем, устроился Славик трудиться в яхт-клуб – здесь, недалеко, на Пироговское водохранилище. Не море, конечно, но все равно – вода, простор, снасти. Сначала на самую низшую должность, вроде матроса или помощника за все. Гальюны, как он рассказывал, мыл, швартовые веревки на причал кидал. Но потом хозяева видят, что парень головастый, и на зиму его оставили. И он не только им красил-чистил, но и двигатели чинил, перебирал, с радиооборудованием, локаторами даже разбирался. Завелась у него денежка, и, долго ли, коротко – где-то через год-полтора-два семейка Чигаревых его реабилитировала. Ленка гордыню свою смирила – а девка гордая была, ох, одно слово, врач – и прямо даже просила, чуть не на коленях, чтобы Славик в семью вернулся. А он и рад. То есть тестя с тещей, Чигаревых, он терпел как неизбежное зло, а сыночка своего, Елисейку, любил. Да и Ленку, надо признать, тоже.

Стали они снова вместе жить. Но Славик свою любовь к морскому делу не оставил. И однажды его пригласил один богатей с собой в Грецию, на Эгейское море. Миллионщик там собственную яхту прикупил, и ему нужен был свой человек, матрос-помощник-прислуга за все. Славка уехал на целый сезон, с мая по сентябрь включительно. Деньжат привез, загорелый приехал, довольный, веселый. Конечно, Ленка дергалась – а ну мужик в южных землях, да на курорте,

себе какую прихехе заведет?! Когда он на следующий год собрался, столько скандалов ему устроила, столько крови выпила! Но он все равно уехал.

А на третий год, чтобы она не изводила ни его, ни себя, предложил: поехали вместе. Родители твои с Елисейкой посидят – они как раз на пенсию вышли. На дачке его понячат. А ты – увольняйся. Вернешься – другую работу найдешь. Врачи везде нужны. У Ленки как раз раздоры в клинике начались – характер-то у нее непростой был, словом, она мужа послушалась да с ним на Эгейское море махнула. Да ведь и тоже в море влюбилась! На свою беду и гибель.

Хозяйка прерывисто вздохнула, а потом вытащила из страниц могильного альбома новую порцию фотографий. Прекрасные курортные греческие виды: темно-синее море, ярко-голубое небо, белые домики и церковки. А среди них – Вячеслав и Елена Кордубцевы, дочерна загорелые, в шортиках, шейных платочках. Обнимаются, позируют. Красивые, веселые. И видно: любят они друг друга, нравится им и обстановка вокруг, и то, чем они занимаются.

– Они даже думали свою собственную яхту прикупить – жить на ней, путешествовать с острова на остров, из страны в страну. Так, рассказывали, многие на Западе делают, особенно когда на пенсию выйдут. Но самая маленькая яхта, парусная, как они говорили, тысяч около трехсот евро стоит – у них таких денег не было. Да и Елисей подрастал. Его ведь не бросишь. И учить надо – как с яхты в школу ходить?

Но оба стали только ради моря жить. Всю зиму трудились, деньги копили: Славик у себя в яхт-клубе на Пироговке, Ленка в другую клинику, частную, завербовалась. Летом брали все возможные отпуска, отгулы – и уезжали на Средиземноморье. У Ленки месяца полтора получалось там пробыть. А Славик обычно на весь сезон оставался. Все, говорит, острова греческие исходил. Швартоваться с закрытыми глазами мог.

Пару раз они и Елисейку с собой в Грецию брали. Да только ему море не полюбилось. Укачивало его, рвало. Поэтому, когда родители спрашивали, где будешь лето проводить, с нами на яхте или в деревне, с бабушкой-дедушкой, он говорил всегда: с бабулей и дедулей. Ну и слава богу, как говорится, а то б ведь тоже мог...

– А каким вообще Елисей рос?

В той степени близости, которой Варя достигла с Марией Петровной, вопрос не выглядел чрезмерно интимным – просто сидят две как бы подружки, болтают о том о сем. Почему б и не спросить по ходу дела?

– Да разным он был, скажу я вам. Красивенький, умненький, иногда очень милый и ласковый. Но и своенравный. Чуть что не по нему – нет, говорит, не хочу и не буду. И не делает, хоть кол ему на голове теши. Не важно, чего это касается, уборки в комнате, еды или уроков. Ленка как-то с ним договаривалась, дед с бабкой тоже, а вот со Славиком они, бывало, ссорились так, что только искры летели. Другое дело, что Славки часто дома не бывало – может, к лучшему. Однажды я свидетельницей стала – Елисейке лет восемь было, – как он в сердцах говорит отцу: «Проваливай, – говорит, – на свою яхту». Ленка ему, конечно, сразу – бац по губам. Тот – в рев.

– То есть отношения с родителями у Елисея были непростые? – уточнила Варя.

– Бывало, что ругались, – осторожно признала бабуля.

– Значит, Елисей мог быть заинтересован в гибели своих отца и матери?

– Это что вы тут такое сказали? Вы чего тут, Елисейке дело шьете? Двенадцатилетнему пареньку! Да и как он мог? Он в тот момент здесь был, в России, с бабушкой-дедушкой, в школу ходил, родители оба – в Эгейском море.

– А как Кордубцевы погибли?

– Ох, Славка, Славка... Не раз он сам говорил – тут, в городе, когда все собирались на праздник какой, а он чуть подвыпьет. Море, говорит, к себе уважения требует, даже трепета. А для «руссо туристо» – особенно если выпьют или деньга у них в кармане шевелится, – такое бывает несвойственно. Слишком они со стихией запанибрата. Все время их укрощать приходится. А вот и сам не уберется.

– Что конкретно произошло?

– Как рассказывали, дело было под конец сезона. В октябре. Славик свое по контракту отработал, Ленки все лето с ним не было. Она к нему отдохнуть

прилетела, и они сами решили яхту взять напрокат, попутешествовать по островам. Если обычная парусная, да не в пик сезона, говорят, аренда по тогдашнему курсу вполне по карману была, как трехзвездочная гостиница на берегу. Ну, они вдвоем и странствовали, с острова на остров. Славик ведь прекрасно и с парусами управлялся, и с двигателем, и лоцию умел читать. Ленка тоже за все эти годы, что называется, наблатыкалась – во всяком случае, я сама слышала, Славка ее хвалил. Вот, наверное, и перехвалил... Иными словами, пошли они раз, как потом нам рассказывали, в явный шторм с какого-то одного острова – по-моему, даже известного, Санторини, – на другой. Шторм вообще был, как говорят, такой, что плавать не рекомендовалось. Баллов, что ли, шесть – я в этом не разбираюсь, с чужих слов. А они пошли. И не пришли никуда. Их только на третий день хватились. Они ведь там никому не докладывали, куда идут, где ночевать собираются. Вышли из порта – и поминай как звали. В общем, на третий день на соседнем острове обнаружили их яхту арендную. Пустую. На мель ее выбросило. А Ленки со Славиком нет. И никакого следа – как в Бермудский треугольник попали. Искали тела потом, как рассказывают, долго. Но не нашли. Ни его, ни ее. Решили, что их в шторм просто волной за борт смыло. Посчитали, что наши ведь люди, русаки, обычно страховкой не пользуются. Надо ведь в шторм к чему-то там пристегиваться на яхте – к леерам, что ли. А они – нет. Вот и получили. Долго ли, коротко ли – признали их умершими. И отпели мы их здесь заочно.

– Может, живы? – мечтательно спросила Варвара (слегка наигрывая в мечтательности). – Может, сбежали? От трудной жизни, от быта или, допустим, от долгов?

– Ага, и сына двенадцатилетнего бросили. Не выдумывайте!

– А почему Елисея, когда родителей не стало, в детский дом не отдали? Двенадцать лет все-таки.

– Еще не хватало! Все-таки у него бабушка-дедушка были тогда живы-здоровы, во внуке души не чаяли. Там, конечно, долгая история была, бюрократическая канитель, и тела искали. Сашка Чигарев, дед, в Грецию, я знаю, несколько раз летал. Потом, наконец, в общей сложности год, наверное, прошел, но признали Вячеслава и Елену умершими. И немедленно после этого Елисейку семейство Чигаревых-старших усыновило.

– Но фамилию отцовскую ему оставили?

- Конечно, он уж взрослый был, тринадцать лет ему к тому времени стукнуло.

- А почему усыновили не предки по вашей, отцовской, кордубцевской линии?

- Они всегда как-то дальше были. Не нянчились так с Елисейкой, как Чигаревы. Один или два раза только выбрались с ним в турпоездку по России, но мне потом Семка, брат мой (Елисея дед), говорил по секрету: тяжело с ним было, характерный он, непослушный. И потом, у них ведь, кроме Славика-сыночка, племянника моего погибшего, еще и дочь имеется. В общем, что я оправдываюсь? Если б безвыходное положение было, уж, конечно, взяли бы Елисея, не бросили. А раз было кому - ну и слава богу. Усыновили Чигаревы, и хорошо.

- Как они с Елисеем справлялись? Ведь он, как вы говорите, характерный?

- Что говорить? Тяжело им было, конечно. Оба пенсионеры - парня поднимать. Платили, правда, Елисею за потерю родителей пенсию, но какие-то копейки. И, конечно, на три пенсии не разгуляешься. Тем более парень подрастает. Ему и кроссовки нужны, и форма школьная, и аппетит, слава богу, хороший. На этой почве у них, конечно, скандалы бывали. Не хочу на Елисейку наговаривать, но он как будто не понимал, что с деньжатами туговато, что экономить надо. Вот приспичило ему, прости Господи, телефон - будет долдонить и день, и два, и три, и месяц: хочу телефон! Помню, я как-то Веру (бабушку) встретила, она мне жаловалась. Я им, конечно, кое-что тоже подбрасывала, и телефон ему в тот раз купила, но у меня ведь тоже мошна не бездонная - пенсионерка! И Кордубцевы, дед с бабкой по другой линии, ему подкидывали чуть не каждый месяц, но и они с золотых тарелок не едят. А Вера с Сашей Чигаревы на участке на своем впахивались, как всегда, весь летний сезон. Но Елисейку одного не оставляли - подросток! Летом он с ними на фазенде жил. Пытались к земле залучить, только (мне Вера жаловалась) работник из него никудышный выходил. Поставят картошку окучивать, а он три раза землю шыркнет - и в борозде с телефоном сидит. Они досадовали, конечно, что внучонок такой никудышный - да ведь какой есть. Поэтому в мае и сентябре бабка с ним здесь, в городе, сидела - а дед Александр на фазенде до зимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

История этого описана в романе Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят».

2

Подробнее об этом можно прочитать в книге Анны и Сергея Литвиновых «Аватар судьбы».

3

Подробнее читайте в романе Анны и Сергея Литвиновых «Аватар судьбы».

4

Более подробно читайте в повести Анны и Сергея Литвиновых «Вне времени, вне игры».

5

Об этом можно прочесть в книге Анны и Сергея Литвиновых «В свободном падении».

6

Подробнее о юности Алексея Данилова и его самой первой встрече с Варей Кононовой читайте в романе Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят».

7

История знакомства Вари и участкового Бориса разворачивалась одновременно с делом, что вела Кононова в детективном рассказе Анны и Сергея Литвиновых «Ремейк Нового года».

8

Запрещенная в России террористическая организация.

9

Стихи Б. Пастернака.

Купить: https://tellnovel.me/ru/litvinovy_anna-i-sergey/uspets-izmenit-do-rassveta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)